

Рафаэль Гругман

Боря, выйди с моря - 2

Одесские рассказы

Рафаэль Абрамович Гругман

Боря, выйди с моря

2. Одесские рассказы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34752348

Боря, выйди с моря – 2. Одесские рассказы / Рафаэль Гругман:

Алгоритм; Москва; 2019

ISBN 978-5-907211-82-7

Аннотация

«Можно умереть, а после вновь сто раз родиться, умереть, где угодно, а родиться здесь, ибо только здесь, на склонах Ланжероновского пляжа, среди множества подстилок, чинно ступает призывно кричащее великое счастье: “Лиманская грязь! Лиманская грязь!” – и лоснящиеся от жира матроны со своими худосочными мужьями победно сверкают на солнце ярко-чёрными ногами. Какое счастье – грязь лимана!» – Этими словами начинается повесть «Одесса. Маразлиевская, 5». Те же герои в повестях «Боря, выйди с моря», «Бабелевская Одесса на Брайтоне», и в «Одесских рассказах». Но главный герой, или героиня книги Рафаэля Гругмана, – Одесса, город, «не принадлежащий никому: ни русским, ни украинцам, ни евреям, ни полякам, город искателей счастья, беженцев и эмигрантов».

Содержание

Боря, выйди с моря – 2	4
Часть первая	4
Часть вторая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Рафаэль Гругман

Боря, выйди с моря –

2. Одесские рассказы

– Почему «Боря, выйди с моря – 2»?

– Потому что много воды утекло в океан.

Из диалога автора с самим собой

Боря, выйди с моря – 2

Часть первая

Одесса. Маразлиевская, 5

Можно умереть, а после вновь сто раз родиться, умереть где угодно, а родиться здесь, ибо только здесь, на склонах Ланжероновского пляжа, среди множества подстилок, чинно ступает призывно кричащее великое счастье: «Лиманская грязь! Лиманская грязь!» – и лоснящиеся от жира матроны со своими худосочными мужьями победно сверкают на солнце ярко-чёрными ногами. Какое счастье – грязь лимана!

И только на пляже мама может ежечасно запихивать своему доходяге пахнущую чесночком молодую картошку с рыб-

ными биточками, приговаривая: «Рафа, кушай на передние зубы!» – и походя гордо рассказывать соседкам, сколько рыбьего жира, чтоб он только не болел, она влила в него этой зимой.

Но главное – это двор. Он, собственно говоря, состоит из трёх дворов, и если в каменном колодце первого живёт в одиннадцатой квартире наш юный герой, то в третьем, заднем, дворе обитает настоящий Суворов, Женька, внук, нет, скорей всё-таки правнук того самого Суворова, основателя Одессы. В одном с ним парадном на четвёртом этаже живёт другая знаменитость – Изя Гейлер. Что Гейлер, что Геллер – разницы никакой. Изя тоже умеет играть в шахматы, и недавно он научил Рафа новому правилу – пешка, защищая короля от мата, может ходить на одну клетку назад.

Но самое интересное происходит тогда, когда во дворе разгорается скандал. Вспыхивая внезапно, он мгновенно переходит на крик и, врываясь в распахнутые окна, выволакивает зрителей на спектакль: «Кто? Где? А... опять на втором этаже...»

Двор – это и правосудие, и мировое сообщество. Он молча наблюдает, сочувственно выслушивая апеллирующие к нему стоны, и только Высший суд, наделённый полномочиями Конституционного, заседает вечером в комнате его председателя – Наума Борисовича Вайнберга.

Председатель домового комитета (в иное время я называл бы его председателем комбеда) занимает в нашей комму-

нальной квартире две большие комнаты. Если к ним можно было бы добавить туалет и воду, это был бы Кремлёвский дворец, а так... Грановитые палаты.

Зал суда. Бесхитростная «Комета» тихо записывает для Правосудия показания сторон.

Мудрый голос Председателя Вайнберга:

– Симакова, так почему же вы налили Мудреновой в варенье керосин?

– Я налила?

– Да, вы налили.

– Я налила?

– Да, вы налили.

– Что ты комедию ломаешь! Что, я сама его себе налила? – включается Мудренова.

– А почему она моим светом пользовалась?

– Каким светом?! У тебя что, дура, совсем крыша поехала?!

– Мудренова, сядьте! Симакова, что вы хотите этим сказать?

– Только то, что сказала. У нас семь семей. У каждого свой звонок, кухонный стол, счётчик. В туалете и на кухне у нас висят семь лампочек. Каждая из них связана со своим счётчиком. Я понятно объясняю? Я стою на кухне, включила себе свой свет и делаю котлеты. Приходит эта мымра...

Резкий голос Председателя:

– Симакова, я прошу вас...

– Извините, Мудренова и начинает снимать шум с варенья. Я ей говорю: «Включи свою лампочку!», а она нагло на меня смотрит и говорит: «Мне свет не нужен. Тебе не нравится – выключи свой». Но я же не могу выключить свой! Мне будет темно. А она стоит, готовит и пользуется моим светом.

Магнитофон скрипит, выдерживая паузу-размышление Верховного судьи.

– Мудренова, почему вы не включили свой свет?

– А мне не надо было. Было восемь часов вечера. Где вы видели, чтобы в это время было темно? Ей мешает, что я там стою, пусть выключит свой свет и стоит в темноте.

Рассудительный голос Вайнберга:

– Вот, вы же сами сказали, что было темно.

– Я это не сказала. Если ей темно, пусть включит свет, а мне было светло.

– Но тебе же было светло от моего света!

– Я не поняла, что мы разбираем – свет или варенье? Я ей дам, если она такая скряга, четыре копейки за свет, но пусть она мне вернёт за три килограмма клубники по рубль пятьдесят и за три килограмма сахара по семьдесят восемь копеек.

– Я тебе должна возвращать? А фигу с маком ты не хочешь?

Резкое включение Председателя:

– Симакова, здесь не коммунальная кухня, а домовой со-

вет! Ведите себя культурно!

– А я ей культурно говорю. Её место давно уже не здесь.

– Чего это? – удивляется Наум Борисович.

– Весь дом знает, что она с румынами спала!

– Ты видела? Сама ты с румынами спала! У меня, между прочим, муж был на фронте!

– Женщины, сядьте! У меня от вас всех уже голова болит! Начнём сначала. Симакова, варенье и свет – это две разные вещи. Каждый раз мы имеем дело только с вашей квартирой. Что, у домового комитета нет больше дел? Вы ей должны за варенье заплатить и больше этого не делать.

– Я заплатить?

Первый вердикт Правосудия:

– Нет, я. Вы должны ей заплатить, раз вы испортили варенье.

– А тогда пусть она заплатит за воду.

– За какую воду? – недоуменно вопрошает Правосудие, удивлённое новым поворотом дела.

– Водопроводную. Какую ещё. Когда мы проводили воду и скидывались по три рубля, она отказалась. Я её спрашиваю: «Почему ты не даёшь три рубля?» А она говорит: «Мне не надо. Мне воду муж со двора носит».

– Ложь это! – вспыхивает Мудренова. – Я дала за воду. Это когда её муж...

– У меня нет мужа!

– Значит, любовник забил туалет, я отказалась давать на

чистку. Он забил, пусть он и пробивает. А я вообще целый день на работе и этим туалетом не пользуюсь.

– И твой сынуля тоже?!

– А что мой сынуля?!

– Он что, тоже на работу ходит? Или ещё в штаны делает?

– Не тронь ребёнка, стерва!

– Мудренова! – взрывается Председатель.

– Что – Мудренова! Вы что, не видите, как она издевается над нами! Плетёт чёрт знает что, а варенье испорчено! Сейчас за рубль пятьдесят клубнику уже не купишь. Она стоит хорошие два пятьдесят, если не больше.

Магнитофон недовольно шуршит, послушно записывая драматическую паузу.

– Симакова, я уже устал. Вы налили Мудреновой керосин в варенье?

– Нет, я ей дуста насыпала.

– Вы, я спрашиваю, налили Мудреновой керосин в варенье?

– Ничего я ей не наливала. Она сама себе налила.

– Чтоб у тебя язык отсох!

– У тебя отсохнет раньше!

– Женщины! Это когда-нибудь кончится?! Как вы мне все уже надое...

Пленка не выдерживает благородного гнева Председателя и обрывается, прерывая для истории слушание процесса века. Дальнейшая часть его проходит за закрытыми для прес-

сы дверьми при выключенном микрофоне, что не позволяет судить о прениях сторон. Новое включение зала суда бесстрастно фиксирует терпеливый голос Наума Борисовича:

– Симакова, так как насчет варенья?

– Я не на-ли-ва-ла. Пусть докажет.

Рассудительное Правосудие:

– Варенье было испорчено после вашего конфликта с Мудреновой. Значит, подозрение падает на вас.

– У неё ещё был конфликт с Бжезицкой. Может, она на-лила?

Правосудие:

– Какой ещё конфликт?

– Она в своё дежурство подметала в коридоре и взяла ве-ник Бжезицкой.

– Мой был поломан, – неожиданно робко подает голос Мудренова.

Властный голос Председателя:

– Давайте не будем отвлекаться. Эту жалобу мы разбирали полгода назад.

– Но вы же ничего не решили. А может, Бжезицкая сейчас ей и отомстила.

– Она неделю как в больнице, – парирует Мудренова.

– Не она, так другая. У тебя со всеми конфликты.

– Ты – ангел!

– Я с румынами не спала!

– Женщины! Я закрываю заседание и передаю дело в то-

варищеский суд!

– Правильно, Наум Борисович, я этого только и хочу. Варенье стоит денег.

– Хотя в центральную прачечную! У суда нет других дел. Мудренова угрожающе:

– Вас оштрафуют – и дело с концом.

– Щас! Разбежалась. Мне ваш товарищеский суд до одного места. Я туда не приду.

Второй вердикт Правосудия:

– Последний раз спрашиваю: или решаем вопрос миром, или я передаю дело в товарищеский суд?

Мудренова примирительно:

– Я согласна. Пусть вернёт деньги.

– Ин-хулым! Ты по-французски понимаешь?

Плётка заканчивается, не выдерживая неуважение к закону. «Столетняя» симаково-мудреновская война, прошу не путать с более кровопролитной англо-французской, вполне могла бы по продолжительности боевых действий побить рекорд книги Гиннеса, если бы в подвале у Зозулей не появился телевизор.

* * *

Всё испортил телевизор. Он сломал привычный уклад жизни южного города и загнал всех в квартиры. Он распахнул окно в мир, и мы смотрим на карнавал в Рио-де-Жаней-

ро и завидуем. А ведь было и у нас...

Я говорю об Одессе конца пятидесятих – начала шестидесятых.

Я родился на Энгельса, бывшей Маразлиевской, на улице, в царское время называвшейся «улицей одесских банкиров», на которую и поныне выходит огромный старинный парк.

С чего начать? С эстрады перед центральным входом на стадион «Пищевик»? Или прямо со стадиона, на котором в школьные годы я бывал ежедневно, зная в лицо игроков роковой для меня команды? Или лучше с детского сектора, на котором летом с утра до вечера резвились толпы ребят?

Конечно, с эстрады. По выходным, ближе к вечеру, на ней играл духовой оркестр, зазывавший пляжников на концерт художественной самодеятельности. К шести часам утомлённое солнце не столь агрессивно, и лениво проплывающая мимо публика, по центральной аллее неторопливо дрейфующая к Ланжерону, снисходительно поглядывала на оркестрантов, мечтая охладить разгорячённое за день тело солёной водой и прохладным бризом. Что ж, музыканты – народ не гордый, Баха и Шуберта сыграют и без аншлага... С заходом солнца к эстраде подтягивались зрители. Ко второму отделению вокруг эстрады не оставалось «живого» места и привычная для Ланжерона фраза: «Потерялся мальчик. Беспечных родителей просим зайти в радиоузел», – разносилась над парковыми аттракционами, заставляя вздрагивать отцов семейств, выстаивающих в очереди за пивом к ларьку на цен-

тральной аллее, аккуратно напротив входа на стадион, и стой-чески выслушивать заклинания диктора: «Папа Фимы, шести лет, вы меня слышите? Тёплое пиво не убежит. Заберите в радиоузле вашего сына и отведите под дерево, пока он не сделал нам лужу!»

Телевизоров в то время ещё не было, и, едва начинало темнеть, вся Одесса шла в парк. У центрального входа гостей встречали Ленин и Сталин. Они восседали на скамейке, на небольшом постаменте, в тени акации, в нескольких шагах от центральной аллеи, и тихо обсуждали футбольное счастье «Черноморца», как всегда переменчивое. А о чём ещё, кроме знойных женщин, можно говорить в Одессе мужчинам в расцвете лет в двухстах метрах от стадиона?

Зелёный театр, эстрада, аттракционы, лектории, бильярдные, танцплощадка; дотелевизионное время – звёздный час парка: никогда позже не собирал он столько народу.

Но главная достопримечательность его – стадион.

О, футбол...

Нигде в мире нет такой акустики, как на стадионе у моря. Я выходил во двор, и многотысячный вздох магнитом притягивал меня к этому таинству. Я шёл на гул. Вздох сменялся свистом, рёвом, но чаще всего это был многотысячный вздох, вздох отчаянья, вздох восторга...

О, эта безумная команда!

Я умирал вместе с ней и рождался, и, по-моему, ни одна женщина не выпила у меня столько крови, как эта моя пер-

вая любовь.

Что ещё запомнил я из дотелевизионного детства? Что маленький стакан семечек стоил три копейки, а большой – пять. Что в хлебном магазине на углу Кирова и Свердлова, упрямо именуемыми отцом Базарная и Канатная, были недоступно дорогой кекс с изюмом, бублики с маком и несколько сортов сыра, одинаково называемых голландским. Что приходили во двор лудильщики паять кастрюли, стекольщики – вставлять стёкла, точильщики – точить ножи, что звенел каждое утро колокольчик, и двор просыпался от зычного: «Молоко!», «Хлеб!», «Керосин!» – но это уже лучше не вспоминать, потому что следом потянутся воспоминания, которые лучше обойти стороной, об инвалидах войны – слепых, безруких, безногих, приходящих во двор за милостыней...

Каждый вечер дворничиха Анна Ивановна садилась на стульчике у ворот и по старорежимной привычке всматривалась в визитёров. В десять часов вечера «детское время» заканчивалось. Анна Ивановна запирала ворота и уходила в свою каморку в третьем дворе, соседствующую с дворовым туалетом, заставляя запоздалого жильца звонить в электрический звонок и терпеливо ждать, когда, проделав обратный путь, она отопрёт замок, получив в благодарность никелиновые монетки. После её кончины дом потерял свою респектабельность – бесхозный подъезд оккупировала мусорная свалка, а бронзовые головы львов, придававшие хрупкой

и одинокой Анне Ивановне смелость и бесшабашность, потеряли угрожающий вид и... незаметно для жильцов однажды ночью исчезли с фасада здания.

...Помню, как мама покупала на «Приво́зе» кур.

– Сколько стоит эта курица?

– Пять рублей.

– А эта?

– Тоже.

– А вместе?

– Девять.

Мне было стыдно, но так я познавал язык «Приво́за»: на базаре два дурака – один продавец, второй покупатель. Торгу́йся.

Что ещё запомнилось из дотелевизионного детства? Не было холодильников. А потому и нужды запастись продуктами впрок – первый, хоть и не главный, признак полного изобилия. Зато как сближала продуктовая очередь! Брачные агентства и службы знакомств появились значительно позже, но столь эффективны не были никогда.

...На Успенской длинная, в полквартила, очередь петляет вокруг ларька с газированной водой и упирается в окно гастронома. Мужчина средних лет крутится поодаль, ощупывая глазами толпу. Выбор сделан. Он поправляет кепочку, оглядывается и, не обнаружив подозрительной личности, осмотрительно сокращает дистанцию.

– Что нынче дают? – бодро спрашивает он одинокую жен-

щину.

– Сахар. По два кило в руки.

Интимным голосом, коим под романтическое танго в полусвещённой комнате, подталкивая к дивану, нащёптывают о вечной любви, озвучивается деликатная просьба:

– К вам можно пристроиться? Скажете, что я ваш муж, – и, опережая отказ, неотразимой скороговоркой мужчина шепчет: «Я стою в очереди за рисом. Это за углом. Встанете впереди меня».

Женские глаза вспыхивают, и она раскрывает сердце:

– Я здесь не одна, с сыном.

– Мадам, в очередь за рисом я вас возьму даже с ребёнком. Вам не кажется, что на ближайший час мы созданы друг для друга?

По прошествии лет, глядя на пустой парк, и на забитый впрок холодильник, я задаю себе грустный вопрос: а когда же в Одессе жить было веселее? До или после? И, как ни стараюсь, не могу проснуться от зычного: «Молоко!», потому что меня будит трамвай, и я включаю телевизор, который всё испортил.

* * *

Если бы Паустовский не написал «Время больших ожиданий» и не обозначил его двадцатыми годами, то я рискнул бы каждое последующее десятилетие Одессы также называть

этим звучным именем. И если в тридцатых по очереди ждали хлеба, ареста и «Весёлых ребят», в сороковых – победы, хлеба, ареста и «Тарзана», а в пятидесятых – ареста, освобождения и СВОБОДЫ, радуясь ей, как в известном анекдоте о еврее, впуславшем и выпустившем по совету ребе из своей квартиры козла, то в шестидесятых, точнее на заре их, в Одессе ждали квартиры, футбола и коммунизма.

Правда, должен оговориться, что, возможно, коммунизма ждали не все. Сие признание – личное дело каждого; я, по молодости своей, коммунизма ждал. Он зашёл в нашу квартиру, замаскировавшись под газовых мастеров, отобрав примус и печное отопление, затем занёс холодильник и телевизор, после чего пробрался в туалет и провёл душ.

Однако, прежде чем освятить нас новейшим Заветом, коммунизм по совету Всевышнего, имевшего уже удачный опыт выбора праведника, присмотрелся к Зозулям и начал свой визит с них, осчастливив их подвал телевизором.

По правде сказать, это был третий известный мне телевизор нашего двора. Первый, в простонародье называемый комбайном, размещался в огромном корпусе вместе с радиоприёмником и магнитолой в недоступном для простых смертных кабинете Алькиного отца. Иногда, когда он уходил на работу в какой-то исполком, мы тайком от Алькиной мамы пробирались в его кабинет, и Алька, с опаской поглядывая на дверь, пальцем указывал сперва на ящик, а затем на массивный чёрный аппарат, стоящий на таком же массивном

двухтумбовом столе и загадочно называемый те-ле-фон.

Второй телевизор, именуемый «Рекорд», к счастью моему, поселился через стенку, в комнате тёти Розы. Худенькая милая женщина, чуть повыше меня ростом и злым языком моей сестры называемая «проституткой», в действительности была очень доброй, тихой и одинокой. В её комнате, выглядывающей распахнутыми окнами через весь первый двор на улицу, по выходным весело играла магнитола: «Красная розочка, красная розочка, я тебя люблю...», а вечером в окне горел красный фонарь.

Я не знаю, что плохого в слове «проститутка», первые слоги которого – нежное «прости», а тем более в красном фонаре. Сестра моя, как всегда, злорадствует, ибо только я могу, постучавшись, зайти к тёте Розе в комнату и, примостившись на маленьком стульчике, «по уши» влезть в волшебный аппарат.

В темноте за моей спиной терпеливо сидят тётя Роза и какой-то мужчина. Для любителей кишмиша, честно признаюсь, я не помню, были это разные или один и тот же мужчина, так же, как и я, приходящий, по-видимому, к тёте Розе на телевизор. Для меня он или они были одноименно равнозначны – тётирозин друг. Когда я уходил, мужчина незамедлительно угощал меня сосательными конфетками, но... Или я плохо поддавался дрессировке, или у меня развиты были не те рефлексy, но, не реагируя на шушуканье за спиной, я терпеливо досиживал до окончания фильма, пока ангель-

ское терпение тёти Розы не лопнуло.

Так же незаметно, как она появилась, в одно воскресное утро тётя Роза навсегда выехала из нашей коммуны. Я переживал недолго. К этому времени двор уже обзавёлся телевизором номер три.

В отличие от первых двух, третий телевизор произвёл революцию, став воистину всенародным. Если бы владевшие им Зозули обладали коммерческим талантом и брали по пять копеек за вход, то уже через год они стали бы миллионерами и выехали бы из подвала в шикарную хрущёвскую пятиэтажку.

Всё же коммунизм знал, кого выбирать! Зозули, рождённые, не зная того, для кибуца, добровольно пожертвовали своим подвалом, телевизором и покоем: ежевечерне, забыв о котлетах и скумбрии, двор спешил к ним со своим посадочным материалом, а Зозули, так и не разбогатев на забившем в их подвале «нефтяном фонтане», не получили даже полагающуюся им Нобелевскую премию мира.

Или из-за несовершенства телевизионной связи мир не был достаточно хорошо извещён о симаково-мудреновской войне, благополучно завершившейся во втором ряду Зозулевского подвала, или занят был Полем Робсоном, Алжиром и Берлинской стеной, но Бегину и Садату через полтора десятка лет с Нобелевской премией повезло несколько больше.

Раз ненавязчиво речь зашла о большой политике, должен сообщить, что в нашем доме появился Шпион.

Первым его вычислил Изя Гейлер. Шпион жил во втором дворе и маскировался под очередного папу Вовки Вашукова. Шпион был подозрительно крупным и лысоватым мужчиной, носил цивильный костюм, морскую фуражку с крабом, курил трубку и время от времени исчезал на несколько месяцев.

Понятное дело, раз во дворе появился Шпион, его надо обезвредить. Но сперва не мешало бы вооружиться.

Кольку Банного, третьего контрразведчика, в самый ответственный момент мама закрыла дома, и на поиски оружия Изя отправился со мной.

Вы не знаете, где в Одессе можно найти оружие? О, это так просто. Достаточно взять детскую лопатку и отправиться с ней на склоны Ланжероновского пляжа – самое лучшее место для проведения боёв. Найдите укромное место и копайте. Изя знает где. Там обязательно должны быть спрятаны патроны, а может быть, даже пулемёт.

Во всяком случае, раз Колька с нами не пошёл, именно пулемёт мы и нашли. Но закопали. В укромном месте. Будем брать Шпиона – выкопаем. Колька завистливо страдал, но участвовать в раскопках ему больше не предлагали, поручив, раз его окно выходит во второй двор, постоянную слежку за квартирой Шпиона.

О том, что в Одессе шпионов больше, чем рыбы в прибрежных водах, кроме нас, знала ещё и госбезопасность. Но как рыбу в море нельзя всю выловить, так и шпионов

в Одессе нельзя сразу всех обезвредить, и поэтому во второй «бэ» класс обратился за помощью симпатичный чекист. В Москве, рассказал он, ожидается Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Среди иностранцев, которые через наш город поедут на фестиваль, будет немало провокаторов и шпионов. Они, душевно предупредил нас контрразведчик, положат шоколадки в развалины домов, дождутся, когда мы позаримся на цветные обертки, и начнут нас фотографировать, чтобы опубликовать в буржуазных газетах провокационные снимки с подписью: «Советские дети в поисках пищи роются в руинах».

Самое обидное, что разрушенных войной домов было предостаточно и играть в них, особенно в развалах напротив школы, было интересно и завлекательно, но с этого дня мы стали проявлять бдительность и собирать металлолом на пионерский трамвай.

Кстати, раз заговорили мы о трамвае... В полуквартале от нашего дома по Успенской ходит четвёртый номер, достигая наивысшего разгона при пересечении Энгельса. Как настоящий еврейский мальчик, я не злоупотреблял свободой и слушался маму. Но этим счастьем были наделены далеко не все. Поэтому среди ненастоящих мальчиков преобладал рискованный спорт – запрыгивание и выпрыгивание на ходу в раскрытые двери трамвая или, для более осторожных, катание на его хвосте. Некоторых «спортсменов» остудил десятиклассник нашей школы, ходивший на настоящих, сам видел, дере-

вянных ногах. Новые трамваи, в том числе пионерский, были с автоматически закрываемыми дверьми, что также стало одной из примет надвигающихся великих перемен.

И в светлое время бывают чёрные дни. Декабрьским вечером со страшными новостями к нам зашла жившая в третьем дворе тётя Муся: «В Одессе бунт. Восстание!»

Не раздеваясь, она возбуждённо затараторила:

– На Дальницкой пьяный солдат выстрелил в мальчика и убил его. Его тут же растерзала толпа. Приехали милиция и пожарные. Машину пожарников перевернули, а милицейскую сожгли. Милицию лупцевали нещадно. Разгромили участок. А какого-то окровавленного милицейского майора привязали сзади к трамваю и приказали: «Езжай!» – и кондуктор довезла его так до еврейской больницы...

Этой же ночью «восстание» было подавлено.

18 декабря 1960-го запомнилось Молдаванке надолго, но Шпион вновь ускользнул от ответственности. Залёг на дно? Кольке Банному поручили утроить бдительность и ежедневно докладывать Изе о подозрительных деталях в поведении Шпиона.

Не каждый в детстве обнаружит в себе призвание контрразведчика. Трудно без родительской помощи в двенадцатилетнем возрасте рассчитывать на успех. Колькина карьера оборвалась из-за папы-госаппаратчика. Он не смог отказаться от трёхкомнатной квартиры с балконом в новом доме, выстроенном на улице Кирова, и, невзирая на уговоры,

Колька выехал из нашего двора, не доведя до конца блестяще задуманную Изей операцию.

* * *

Раз по вине беспринципного контрразведчика произошла непредвиденная заминка, терять нечего, спустимся ещё на несколько ступенек вниз – в год сорок восьмой.

К великим его потрясениям, существенно изменившим карту Ближнего Востока и на десятилетия отразившимся на здоровье обитателей Кремля, во второй половине октября добавилось ещё одно. На Маразлиевской, 5, в домашней обстановке, восьми дней отроду, в присутствии десяти мужчин ваш покорный слуга вступил в особые отношения с Богом отца своего. И если партийная принадлежность Всевышнего так до сих пор никому и не известна, то родитель, будучи членом правящей партии, совершил страшный грех – с уведомлением о вручении он отправил Создателю крайнюю плоть своего восьмидневного отпрыска. Не осознав тяжести совершённого им преступления, на другой день парторг механического цеха бахвалился этим перед сослуживцами и угощал их красным вином.

Спустя три месяца злодеяние будет раскрыто. Железный занавес, вывешенный по периметру святых границ, для иудеев оказался недостаточно железным. Внешний враг затаился на небесах, куда по недосмотру уплывало вместе с иудей-

ской плотью народное достояние. Пока, спохватившись, мастеровые из комитета госбезопасности клепали над страной крышку, умельцы-следователи – ключ для консервирования, а особо доверенные повара кипятили в огромных котлах воду, дабы наглухо закрыть образовавшуюся над державой брешь, газета «Правда» доходчиво разъяснила совгражданам, кто есть кто на одной шестой части суши, и предложила выжечь на некоторых лбах клеймо – «Безродный космополит».

Разумные мысли в иные дни посещают госбезопасность: отсутствие крайней плоти заметно не каждому, особенно в темноте и в дни солнечного затмения, а клеймо на лбу – печать на всю оставшуюся жизнь, и без того короткую.

Если бы я знал, что из-за меня на одной шестой части суши возникнут такие неприятности, то не очень бы торопился вылезать из гнезда. В конце концов, я ничего бы не потерял, если бы ещё лет пять пробыл в тепле под материнским сердцем и появился на свет в более сытное время, и даже не возражал бы дотянуть с первым криком до освоения хлебных целинных земель, но дело сделано – обратной дороги нет. Однако, чтобы мой отец, осторожный Абрам Борисович, честнейший Абрам Борисович, неразумный Абрам Борисович, ничего более не натворил, срочно вызванная из Кишинёва мамина двоюродная сестра Сарра стала моей смотрительницей.

Втихаря подкармливал я её в голодную зиму сорок де-

вятого, пока мама, случайно пришедшая из школы раньше положенного срока, не застала её сидящей в моей коляске под окнами женской школы и уплетающей кашу. Я же, по-джентельменски уступив нянечке мягкое место, смиренно лежал на брусчатке, закутанный в одеяло, сиротским видом привлекая внимание хорошеньких школьниц.

— Сарра! Что это значит! — возмущённо восклицает мама, застигнув сестру.

— А что такое? У меня болят ноги, и я захотела немного присесть, — плаксиво начинает Сарра, на всякий случай беря меня на руки.

— Сарра! Готыню! — сжала лась мама над своей малоумной сестрой. — Но зачем ты ешь его кашу? Разве я тебя не кормлю?!

О, если бы история сохранила Саррины слёзы, я бы с вами ими поделился, но почему вы решили, что она малоумная?

А, это я сказал? Когда? Не приписывайте того, чего не было. Сейчас не тридцать седьмой год, когда каждому позволено цепляться к словам! Ну так что из того, что Сарра, старая дева, в годы войны, чтобы выйти замуж, сделала себя по документам на десять лет моложе? Сделайте себе тоже. И это весь признак худого ума? Даже если она вышла на пенсию на десять лет позже? Это ровным счётом ничего не значит. Достигнув пенсионного возраста, она окольцевала одноногого вдовца, сумевшего, как жутко пошутила моя сестра, костылем сделать-таки Сарру счастливой женици-

ной, о чём Сарра с гордостью оповестила торжествующую родню.

Итак, как вы поняли, и у меня в детстве была Арина Родионовна.

Сказки бабушки Арины. Так по ходу пьесы должна была бы называться следующая глава, но мы неразумно её перепрыгнем и поговорим о превратностях любви.

* * *

О, любовь! Без неё не обходится ни один двор, начиная с французского и кончая российским, ибо какой же это двор без любви, интриг, убийств и кровосмешений. Не обошла она и маразлиевский.

Если вы думаете, что я говорю о притоне, открывшемся в квартире Вашуковых, переехавших для заметания следов на Черёмушки, то вы ошибаетесь – так далеко я не смотрю. И вовсе не собираюсь развлекать вас ставшим обычным для второго двора ночным скандалом: «Отдай моего мужа!» – и советами по этому поводу с третьего этажа: «Что вы кричите и мешаете людям спать?! Разбейте кирпичом стекло и замолчите!»

Нет, нет! Речь будет идти о любви, чистой и романтической. Той, что была у Шеллы Вайнштейн и Изи Парикмахера.

Я не знаю, где Изя взял такую фамилию – её в телефонной книге нет. Хотя встречаются иногда не менее странные: По-

допригора, Нечипайбаба, Недригайло, Брокер, Бриллиант, Сапожник... А в Эстонии и того лучше – Каал. Попробуйте произнести протяжно, с двумя «а»: Ка-ал. Неплохо звучит, не правда ли?

Так вот, наш Изя – Парикмахер. Но об Изе потом. Вначале о шэйн мэйдл¹. И о любви.

Должен сказать, что Шелла с детства была влюбчивой девочкой, и первая любовь посетила её в пятилетнем возрасте в виде красивого двенадцатилетнего мальчика Оси Тенинбаума, так же, как и она, бывшего из семьи эвакуированных.

А даже если вы Монтекки и Капулетти, но из Одессы и судьба забросила вас в один и тот же ташкентский двор, то, если вы не стали за три года родственниками, у вас что-то не в порядке: или с бумагами, или с головой. То есть, может, вы и одесситы, но один из Балты, а второй из Ананьева. С нашими героями всё было в порядке – семьи их были с Канатной. О чём-нибудь это вам говорит?

Да, да! Именно на Канатной располагалась знаменитейшая женская гимназия Балендо Балю, в которой преподавал рисование не кто-нибудь, а сам Кириак Костанди. После революции гимназия сменила вывеску и приобрела пронумерованную бирку – «39 школа». Но самое удивительное не это. Мамы Оси и Шеллы учились в параллельных классах. Представляете?!

Из всех маминых рассказов, обычно начинаемых со слов:

---

¹ Шэйн мэйдл (идиш) – красивая девочка.

«А помнишь, когда ты была маленькой, ты спрашивала: можно ли, когда я вырасту, я буду на Осе жениться?» – Шелла запомнила один, наиболее её поразивший: восторженный рассказ Оси, как ему удалось обхитрить соседского аборигена.

«Я надрываюсь, несу полное ведро, а Саид, посланный меня провожать, весело прыгает рядом и поёт какую-то узбекскую песню. Тут меня и осенило:

– А не слабо ли тебе будет одной рукой донести ведро воды до калитки?

– Не слабо.

– Спорим на щелбан?

– Спорим!

Саид взял ведро и понёс, а я шёл рядом и восхищался: “Ну ты молодец! Силач!”

Он с ненавистью глядел на меня, но держался. Донёс ведро до калитки, поставил на землю, немного, конечно, разлил и процедил сквозь зубы: “Не слабо”.

Я подставил лоб: “Ты выиграл”.

А Саид заплакал и убежал. Даже щелбан не поставил. Ну, как я его?»

Рассказывая, мама обнимала Шеллу и, улыбаясь, поучала:

– Твой герой и дальше продолжает жить, глядя на каждого, как на узбека. Но ты, надеюсь, не будешь чужими руками жар загребать.

Вы вправе спросить, какое отношение эта история имеет к Маразлиевской, 5? Самое непосредственное.

Вернувшись в Одессу и убедившись, что муж её погиб на фронте, Шеллина мама вышла замуж за Абрама Полторака и попала в наш тихий двор.

Об Абраме – нечего весь сыр класть в один вареник – отдельный разговор. Пора переходить от скупой прозы к опрометчиво обещанной истории чистой любви.

Итак, любовь.

Одесса, 1959 год.

* * *

Одну минуточку, я всё-таки скажу два слова об Абраме. Во-первых, в этом доме он живёт с тридцатого года и старые соседи ещё помнят погибшую в гетто мадам Полторака, а во-вторых, почему бы не рассказать о новом придурковатом честном Шеллином отце?

Вам не нравится такое словосочетание? А как я могу сказать иначе?

Представьте себе: Одесса, 1947 год. Карточная система. Абрам – предводитель дворянства: парторг и председатель цеховой комиссии по распределению шмотья – кому костюм, сапоги, туфли...

И этот видный жених приносит в приданое простреленную шинель и, пардон, рваные кальсоны.

– Абрам, – говорит ему Шеллина мама, – на тебя же стыдно смотреть. Возьми себе что-нибудь из промтоваров.

– Не могу. Мне должен дать райком.

По-моему, можно не продолжать. И так всё ясно. Райком к Первомайскому празднику выделил ему галоши, и Абрам горд был оказанной ему честью, хотя и получил среди друзей прозвище «Шая-патриот»...

* * *

Оставим в стороне большую политику. Самое время говорить о любви.

Наша история началась с того, что однажды к Шеллиной маме якобы за постным маслом зашла живущая на втором этаже мадам Симэс.

Почему её называли мадам Симэс – никто не знает. Ей больше подходило бы обращение «леди». Но так с довоенных лет во дворе принято обращаться к женщинам: мадам Полторак, мадам Симэс, мадам Кац...

Походив вокруг да около, мадам Симэс вспомнила, зачем она на самом деле зашла:

– Славочка, у меня к тебе есть дело. У моего Миши есть для Шеллы чудесный парень, скромный, воспитанный...

– Шелла и так не обделена вниманием, – наострив уши, отвечает Слава Львовна. – А кто его родители?

Дальше выяснилось, что его зовут Изя и в свои двадцать

три года он отличился при подавлении фашистского путча в Венгрии, во время которого ему камнем разбили голову. Сам Янош Кадар, когда Изя лежал в госпитале, пожал ему руку. Быть может, ему даже дадут или уже дали медаль «За взятие Будапешта».

– Но это же медаль за войну, – удивилась Слава Львовна.

– Какое это имеет значение? Там Будапешт – тут Будапешт. Если надо дать медаль и другой нету – дадут ту, что есть.

Дети познакомились романтично и как бы случайно. Изя пришёл к Мише смотреть на пролетающий над Одессой спутник, а Шелла к этому часу тоже вышла на улицу. И хотя время пролёта спутника сообщалось в газетах заранее, народ на всякий случай выходил на улицу загодя – мало ли когда ему вздумается пролететь.

Дальше всё было как в кино. Выберите любое, какое вам нравится, и смотрите – это про наших детей.

И в завершение «случайной» уличной встречи второго мая в шикарнейшей двадцатиметровой комнате (три восемнадцать потолка, лепка, паркет) была отгрохана та-а-кая свадьба, какой двор не видывал уже сто лет.

Но до того Слава Львовна проделала поистине ювелирную работу. Укоротив на полметра туалет и кухню, она из крошечного коридора вылепила для новобрачных четырёхметровую дюймовочку, в которой разместились диван с тумбочкой и заветная для каждого смертного дверь. И хотя роди-

телям Шеллы, для того чтобы ночью попасть в туалет, предстояло на цыпочках прокрадываться через спальню детей, подобные неудобства не преградили дорогу семейному счастью: не все молодожёны могут похвастаться диваном в изолированной комнате и возможностью обсудить без свидетелей мировые проблемы. В том числе интимные. С глазу на глаз.

Какие только чудеса не происходят на свадьбах! Изина мама оказалась – кем вы думаете? Нет, вы никогда не догадаетесь – родной сестрой Эни Тенинбаум. И Ося, естественно, двоюродным братом Изи. Такое происходит только в кино, но в жизни... Уехать из Ташкента в сорок пятом, четырнадцать лет не видаться и встретиться на Маразлиевской! В такой день!

– Я не знаю, за что мы пьём?! Где брачное свидетельство?! Нас дуруют! – куражился Ося, взяв на себя роль тамады.

– Вот оно! Вот! – Слава Львовна вынула из своей сумочки свидетельство, как кадилом, помахала над столом и протянула гостям. – Любуйтесь.

– Дайте сюда! Я им не верю! – вопил Ося, ожидая долго передаваемый документ. – Так, так, всё хорошо... Фамилия невесты после свадьбы...

Он впился в брачное свидетельство и прочёл по слогам: «Вайн-хер».

– Что такое?! – Ося выпучил изумлённо глаза и завизжал: «Братцы, нас облапошили!»

– Ты плохо читаешь, – перебил его Миша, вырывая свидетельство о браке, – Париквайн.

– Верните деньги! – вошёл в раж Ося. – Шулера! Брачные аферисты!

– Что вы мне голову морочите! Дайте сюда, – разгорячился Абрам Семёнович, надевая очки и беря в руки брачное свидетельство. – Так... больше им не наливайте! Фамилия после свадьбы: «Шелла Парикмахер».

Стол грохнул от хохота, и с лёгкой руки Абрама Семёновича друзья ещё долго величали Шеллу не иначе как Шеллапарикмахер.

– Славочка, ты прекрасно выглядишь. А Шелла – просто куколка, – подсела Эня к молодой тётке. – Я её не узнаю, как она выросла. Послушай, – объявила она громко от избытка нахлынувших на неё чувств, – у нас на одиннадцатой станции шикарная дача. Я была бы не против, чтобы дети пожили у нас летом пару недель... Так и скажи Шелле: «Эня ждёт тебя летом на даче».

* * *

Дачный сезон в Одессе – сезон закруток.

Центр города смещается за Пироговскую. Консервный и сельскохозяйственный институты, зелентрест, а затем дачи, дачи, дачи, нескончаемые дачи по обе стороны петляющей над морем большефонтанской дороги, по которой коротки-

ми перебежками продвигается от станции к станции восемнадцатый трамвай.

Для любителей морских ванн, конечно, есть «Ланжерон» – чуть ли не единственный в сердце города пляж, но, чтобы занять место на песке, надо появиться в восемь, ну, не позже полдевятого, и затем, как в Мавзолее, – очередь, чтобы войти в воду, постояли несколько памятных минут – и очередь, чтобы выйти.

«Ланжерон» для «бедных». Настоящие пляжи (для избранных), если стоять лицом к Турции, правее... Заводские водные станции, любительские причалы, закрытые пляжи санаториев и домов отдыха, труднодоступный монастырский пляж, где, говорят, загорают обнажённые (есть счастливые очевидцы!) юные монашки...

О, монашки...

– Рафаил Абрамович, не увлекайтесь.

– Кто это?

– Отец твоего отца.

– Всё, всё, понял... Никаких монашек.

– Прекрати фамильярничать.

– Но нас же никто не слышит.

– Именно поэтому я с тобой разговариваю. Ты, конечно, не Моисей, и я не могу тебе доверить вывод евреев из России, но я должен предупредить: Тенинбауму не место в твоём рассказе.

– Но почему?

– С Иосифом Баумовым я разберусь сам.

– Ты и это знаешь?

– Иначе я не был бы тем, кто есть. Я не желаю слышать больше его имя.

– Но позволь мне хотя бы вывезти Шеллу на дачу, а потом вернуть её на Маразлиевскую.

– Только не увлекайся – тебя заносит не туда, куда надо.

– Слушаюсь, Царь мой...

Итак, вернёмся к нашим баранам. В сложившейся ситуации я постараюсь быть краток. Насколько позволит живущий своей жизнью язык.

После нескольких настойчивых приглашений молодожёны выехали в начале августа на Тенинбаумовскую дачу.

К этому времени под воздействием ультрафиолетовых лучей у Шеллы преждевременно начал набухать живот, и по совету мамы – «Нажимай на свежую фрукту: в ней есть кальций» – Шелла, к радости обеих заинтересованных сторон, «сидела» на персиках, абрикосах и чёрной смородине.

Что бы ни говорили, а Ося ей нравился. Её веселили его многочисленные анекдоты, розыгрыши и шутки, а историю об уценённых яйцах она слышала многократно, всякий раз выдавливая сквозь смех: «И он поверил?»

– Ну да, я ему говорю, яйца потому и дешёвые, что они уценённые – без желтка. Быстро пойди и обменяй.

– И он начал их бить? – хохотала она, представляя се-

бе наивного покупателя, который, дабы удостовериться в правдивости Осиных слов, поочерёдно принялся разбивать одно яйцо за другим.

Привыкнув к Осиным шуткам, Шелла не обиделась на неуместно прозвучавшее предложение нового родственника. «Может, трахнемся?» – ответила игриво, как и подобает свободной от комплексов женищине.

– Только с позволения Парикмахера.

Душой и телом она была предана мужу, но ей, как и всякой женищине, нравился лёгкий флирт, и как ни в чём не бывало она раззадоривала братьев, заставляя одного ревновать, другого – надеяться. Изя сердился, и Шелла его успокаивала: «Ты ничего не понимаешь в жизни. Настоящая женищина должна нравиться мужчинам!»

– Ты хоть думаешь, о чём говоришь? Замужняя женищина должна вызывать чувство, после которого у нормального мужика стоит хвост трубой?

– А что в этом дурного? А же тебе не изменяю?! Это всего лишь игра. И-г-р-а, – для убедительности по буквам повторила она коварное слово и, подразнивая его, кокетливо высунула кончик языка.

Изя смирился: Шелла в том положении, что её нельзя волновать. К тому же, – уговаривал он себя, оправдывая поражение в словесной дуэли, – все женищины одинаковы и любят покрасоваться. Флирт с родственником на его глазах безопасен.

Редко, но иногда и от тёщи бывает толк. Слава Львовна доходчиво объяснила дочери, что нечего попусту дразнить мужа – подобные шутки зачастую заканчиваются разводом. Шелла успокоилась. Её, правда, поразил разговор братьев, случившийся в конце августа, затеянный Осей:

– Этот негодяй, – Ося возмущённо говорил о соседе по даче, – без моего согласия присоединился к нашей трубе. Тогда я взял человека, раскрутил тройник, кинул в его трубу гайку и закрутил обратно. Бараб бегают туда-сюда, ничего не может понять. Трубы целы, прокладки, кран тоже – у меня вода есть, а у него нет. Только сейчас он догадался открутить тройник и нашёл гайку. «Как она сюда попала?» – удивлённо спросил он, а я с недоумением ответил: «Видимо, засосало».

– Не понимаю, чего ты добился, – возразил Изя, – на три месяца нашкодил, но вода всё-таки у него появилась. Не лучше было бы по-мужски напхать ему, когда увидел, что он к тебе подключился.

– Но это же Бараб-Тарле!

– Ну и что? Хоть Папа Римский.

– Как ну и что? Он же завождем! Лауреат Государственной премии!

– Извини меня, но ты поц! По-твоему, лучше мелко напакостить и от удовольствия потирать в тиши спальни руки или ответить один раз, но по-мужски?!

Братья разругались, и Шелла, выслушав доводы мужа,

согласилась: не по-мужски как-то, подумав про себя, что Изя злится на Осю из-за её невинного заигрывания. Не надо было ей кокетничать.

Конфликт, наверно, уладился быстро, но в ближайший выходной Парикмахеры вернулись на Маразлиевскую, а вскоре произошло ужасающее событие, разогревшее тлеющие угли. Тенинбаум купил себе новый паспорт. Отбросив первую часть фамилии и добавив «ов» ко второй, с записью «русский» в графе национальность, Баумов почувствовал себя другим человеком. Особенно когда возвысился до начальника сектора. Изя, встретив брата на улице, пошутил с укоризной:

– Ты недостаточно себя обрезал – Умов звучит солиднее.

– Тебе пора, братец, пойти по моим стопам, – огрызнулся Ося. – Херов, – похлопал он его по плечу, – звучит лучше, чем Парикмахер.

Только, умоляю вас, не надо, услышав непристойные речи, хвататься за сердце и глотать валидол. Ничего страшного не произошло, если по паспорту стало на одного русского больше и на одного еврея меньше. Первые ничего не приобрели, а вторые не так много и потеряли. Так из-за чего же сыр-бор?

История любви, по-моему, не удалась. Прямо как в известных стихах: «Оптимистически начало – пессимистически конец».

Но я ведь не виноват, в руках моих фотокамера – бац, и

как в жизни: из одного глаза выкатилась слеза, из другого – лучится смех.

Хотите, я расскажу вам что-нибудь повеселее? Историю любви проститутки и... ладно, сделаем перерыв, я вижу, от любви вы устали.

Тогда футбол. Равнодушным он никого не оставит. В детстве прикоснулся ногой к мячу и получил укол в сердце – инвалид на всю жизнь, футболоман в лучшем случае.

* * *

Я не хожу на футбол. Я давно уже не хожу на футбол, потому что это невыносимо для моего сердца – ходить на этот футбол. На что угодно, только не на «Черноморец».

Но когда я был молод, когда сердце моё вздрагивало от полуторачасового гула, волнами накатывавшегося на Маразлиевскую и таинством своим влекущего к стадиону, когда за пятнадцать минут до конца игры открывали ворота и мы вбегали на стадион, дабы прикоснуться к волшебству, этот гул издававшего, когда перед следующей игрой вереницей выстаивали перед воротами: «Дяденька, возьмите меня с собой», – потом, крепко держась за протянутую руку, счастливо шагали до проходной, где сверхбдительные физиономисты-билетёры чётко отсекали новоявленных родственников, не оставляя другого выхода: спружиненное выжидание ягуара, и как только расслабится страж порядка – бросок

через пиками ошестинившийся забор; вот тогда – футбол!!!

Господи! Я никогда не прощу им тот проигранный липецкому «Металлургу» матч.

Открытие сезона. Мы и дебютанты – какой-то Липецк, которого и на карте футбольной нет. Где этот Липецк? Где?! Мы их сожрём с потрохами и даже не будем запивать. Боже! Что они сделали со мной?! Как?! Как они могли проиграть?! 0:1. Кому?! Липецку... Кому?! На своем поле! Первый матч сезона.

О-о! Они медленно пьют мою кровь, они специально, да-да, специально проиграли этот вонючий матч, чтобы по капле цедить мою кровь. Господи, за что ты обрёк меня любить эту команду?

Молчаливая многотысячная толпа медленно рассасывается по примыкающим к парку улицам, втягиваясь в грустный, как после похорон, город.

Я иду домой и глотаю слёзы.

Жора. У нас есть Жора, который возьмёт любой мяч, который Яшину и не снился. Только надо ему бить в угол. В самый дальний от него угол. В девятку. Под перекладину. Все, кто не знает, так и делают. И Жора оставляет их с носом.

Только ради бога, заклинаю вас, ради бога, не бейте ему метров с сорока, несильно и между ногами. Когда нужно просто стать на колено и аккуратно взять в руки катящийся к тебе мяч – Жора не может. Он профессор и такие мячи не принимает. Только между ногами. Это же надо?! В самой

важной, решающей игре сезона – с «мобутовцами»². Конечно, всё уже кончено. И плакала по нам высшая лига, и я вместе с ней.

Так оно и было бы, если бы Бог не сжалился надо мной и не послал нам Колдака. Как он поймал тот мяч! При счете 1:1 защитник «Труда» поверху посылает мяч своему вратарю, и Толик, высоко задрав ногу, мягко ловит высоко летящий мяч, аккуратно опускает его на землю, не торопясь, делает два шага вдоль линии штрафной и... щёчкой – получите!

Если бы не сердце, я клянусь вам, если бы у него не схватило сердце, он попал бы в сборную Союза, а вместе с Лобаном³ это была бы такая команда, которая бы всей хвалёной Москве сделала вырванные годы.

– Лобан!

– Балерина! Майя Плисецкая!

Может, кого-то эта кличка обижала, мне – нравилась. То, что делал Лобан, – это было море удовольствия. Это был танец маленьких лебедей, нет-нет, танец кобры, когда защитники, заморожено повторяя искусные колебания его корпуса, рассыпались в разные стороны, а он, колдун, виртуоз, чародей, с приклеенным к его ноге мячом, играючи входил в штрафную.

---

² Полковник Мобуту, организатор военного мятежа в Конго (сентябрь 1960-го). Болельщики «Черноморца» называли болельщиков одесского СКА «мобутовцами»; те именовали «Черноморец» «утопленником».

³ Валерий Лобановский.

Лобан был мужик. Он забил десять голов за сезон, но он не вышел на поле делать золото Киеву, из которого его «попросили», в тот последний, решающий для «Динамо» матч: «Черноморец» – «Торпедо».

Какой красавец забил нам Стрельцов на пятнадцатой минуте! Принял мяч на грудь и, не дав опуститься, мощно – под перекладину.

А гол Ленёва на сороковой?! В девятку, с сорока метров. Но между этими двумя, перечеркнувшими надежды «Динамо» ударами стрельнул Канева, и Кавазашвили с испугу уронил мяч на ногу убежавшему Саку...

Нет, я не возражаю, чтобы они проигрывали, спорт есть спорт. Но пусть они не пьют стаканами мою кровь!

Вы помните матч с московским «Динамо»?

При счете 2:3 (до этого Гусаров трижды играючи головой забрасывал нам мячи) на последней минуте, когда только сердце надеялось, отказываясь подчиниться разуму, штрафной в сторону «Динамо», и две ракеты, стремительно летящие друг к другу: Москаленко – Ракитский...

Получите!!!

Я был счастлив. Но эта игра стоила мне все мои шестьдесят пять килограммов.

Нет, нужно быть идиотом, безумным идиотом, чтобы любить эту команду. И в этом моё несчастье.

Лучше сразу дважды застрелиться (по разу на тайм) из ствола 38 калибра, чем идти на стадион и смотреть, как они

неторопливо полтора часа будут над тобой издеваться.

Поэтому в день игры я давно уже включаю телевизор, слушаю новости и жду сиюминутного приговора: единожды услышанное легче девятидесятиминутных терзаний. И единственное, чего не могу до сих пор понять, как это итальянцы с их чисто одесскими страстями переполняют трибуны стадионов и количество их, невзирая на футбольные инсульты и инфаркты, всё увеличивается и увеличивается...

А может, наоборот? И мы больше итальянцы, чем они? Глядя на пустые трибуны, я всё более утверждаюсь в этом... Хотя, покидая стадион, понимаю, что это всего лишь оптический обман...

* * *

В Шеллиной семье случился скандал. Сказать, что Изя был ревнивцем, пристально следящим за каждым шагом молодой жены, я не могу. Но, если еврейская женщина больше двух раз бросает в доме ребёнка и летит в госпиталь к раненым алжирцам, это уж слишком.

Упавшие на Изину голову, романтично доставленные на теплоходе в Одессу алжирцы, тайно от враждебной Франции размещённые в тиши Александровского парка, хоть и были героями освободительной войны, к Изиному удивлению, на инвалидов никак не смахивали.

Сплошь молодые и чернявые, с жульническими усами и

коварным для женского уха французским языком, «арабские жеребцы» – так свирепо заклеил их через пару недель бдительный Парикмахер – представляли серьёзную опасность для женской половины легкомысленного города.

– Ты никуда не пойдёшь! – твёрдо произнес он, для верности хлопнув кулаком по столу.

– Я не могу не идти. У нас концерт! – запротестовала до толе послушная половина.

– На прошлой неделе уже был концерт – хватит!

– Я что, его сама придумала? Наш завод шефствует над госпиталем – ты разве не знаешь?

– Плевать мне на твой завод! Что, кроме тебя там больше никого нет?!

– Изенька, – ласково пытается утихомирить его супруга, – я же танцую танцы народов мира. Если я не приду, то у Ньюмы не будет партнёрши на чардаш, и я сорву концерт. Ты же сам был секретарём комсомольской организации, – миролюбиво кладёт она на весы семейного конфликта полновесный довод.

– Ну и что с этого? – слабо возражает экс-вождь механического цеха. – У тебя же ребёнок...

Что было вечером, я вам лучше не буду рассказывать. Шелла пришла домой с цветами.

– Вон! – в бешенстве заорал Изя, вырвав из рук букет и бросив его на пол. – Я ухожу к маме!

– Изенька, – ласково успокаивала его тёща.

– Вон! – топтал он ногами ненавистный букет. – Вон!

– Мне же дали его как артистке, – плача, оправдывалась Шелла.

– Или я, или они! Я знать ничего не хочу! Собирай вещи! Я сейчас же уйду к маме.

Слёзы, крики, ой-вэй... В этот вечер от первого до пятого этажа было что послушать и что обсудить, но главное – Изя уgomонился. А ребёнок не остался без отца.

Две ночи Изя спал на полу в тётчиной комнате. На третий день Шелла не выдержала, и вызвала подкрепление – Изину маму. Стоило ей появиться – Изя совсем упал духом.

– Пойдём разбираться! – грозно скомандовала Елена Ильинична и не терпящим возражений жестом указала на дверь в спальню. Изя молча повиновался. Едва они уединились, она прижала сына к канатам и, не позволив открыть рот, чуть не довела до инфаркта. Убедившись, что он деморализован и готов к безоговорочной капитуляции, Елена Ильинична предъявила ультиматум:

– Если ты думаешь, что у меня для тебя есть койка, то ты глубоко ошибаешься! Хорошенькое дело вздумал – уходить из семьи! Отелло! Чтобы сегодня же ты спал с женой и не позорил меня перед Славой!

Не буду утверждать, с этого ли момента начался арабо-еврейский конфликт, но доподлинно известно, что после того концерта окончательно прервалась Шеллина связь с народно-освободительным движением Северной Африки, а Изя

по совету многоопытной мамы усердно стал разучивать с женой чардаш.

Успехи его на новом поприще были невелики, и Шелла, с улыбкой наблюдая старательные мучения мужа, подтрунивая, подпускала шпильки:

– Ревнивец ты мой, я выходила замуж за инженера, а не за артиста ансамбля песни и пляски. Хватит мучиться – я люблю тебя таким, как ты есть.

Изя, с ещё большим упорством переставляя ноги, отмалчивался:

– Да будет тебе... Если можно выдрессировать слона в цирке, то с этим я тоже как-нибудь справлюсь. Я хочу танцевать с тобой чардаш – и точка.

Неизвестно, сколько длились бы ежедневные мучения четы Парикмахеров, если бы в душную июльскую ночь первый двор не взорвался новым скандалом.

Понять что-либо среди женского крика: «Скотина! Почему ты пошёл без меня?!» – было очень сложно, но наутро Славе Львовне донесли, что после концерта Магомаева в Зелёном театре Вовка, хорошо знавший «неаполитанского» премьера, бросив в театре жену, гульнул где-то с ним за полночь и дома получил на полную катушку сцену ревности: «Почему ты не взял меня с собой?! Ты меня стесняешься?! Боишься, что прямо на концерте я лягу с ним спать?!»

Ночной «концерт» настолько развеселил двор, что заслонил недавний алжирский конфликт и позволил Изе со спра-

ведливой усмешкой: «Женская ревность доходит до абсурда», – бросить опостылевшие супругам уроки танцев.

* * *

Как и в каждом дворе, в нашем есть что послушать. Стараниями великих мастеров эпохи позднего барокко акустика его столь совершенна, что любое невнятно произнесённое на его сцене слово одинаково хорошо слышно на всех этажах амфитеатра. Но, когда на подмостки выходит маэстро, голос которого ставился если не на итальянских берегах, то где-то рядом, – вот тогда вы имеете «Ла Скала» и Большой театр, вместе взятые, причём бесплатно.

– Этя! Этинька!

Я берусь описать вам цвет мандарина или вкус банана, что одинаково в диковинку для нашего двора, но как, вспомнив уроки нотной грамоты, изобразить музыку еврейской интонации, ушедшей вместе со скумбрией в нейтральные воды, ума не приложу.

Откройте на всякий случай широко рот и на все гласные положите двойной слой масла – глядишь, получится.

– Этя! Этинька!

Двадцать распахнутых окон откликнулись на распевку первыми зрителями.

– Этинька! Кинь мне мои зубы! Я их забыла у тебя на столе!

– Как же я их кину?

– Заверни в бумажку и кинь!

Я с восторгом представляю планирующие кругами челюсти, одну из которых ветер доставит на мой подоконник.

Однажды, обнаружив на нём роскошный лифчик на пять пуговиц, – специалисты знают, что это такое! – я с удовольствием прошёлся по всем пяти этажам с одинаково идиотским вопросом: «Простите, это не ваш лифчик? Ветром занесло?»

– Нет, не мой, – с грустью отвечал папа Гройзун.

– Не-а, – с сожалением звучал голос мадам Симэс.

– Щас спрошу, – охотно отвечали на третьем, беря лиф на примерку, и после опроса реальных претенденток огорчённо возвращали:

– Позвони в пятнадцатую. Может, это их добро.

Я подарил трофей Шурке Богданову (как вам нравится еврей с такой редкой фамилией?), после чего он со мной долго не разговаривал. Дина Петровна, испугавшись диких наклонностей сына, чуть не выгнала его из дому. Шурка клялся, что лиф не его, приводил меня в свидетели, я тоже клялся, но это уже другая история, а начали мы с амфитеатра.

Так вот, какой бы совершенной акустикой он ни обладал, чутко откликаясь на арию: «Этинька, кинь мне мои зубы», но, когда в первой парадной шёл обыск, двор спал. Зато наутро двор облетела молва: взяли Бэллочкиного деда. Бэллочка была красавицей, из тех, о которых говорят: «Мул-

этом» (объединение – для непонятливых), а дед её, впрочем, я его не запомнил, работал где-то в торговле.

Конечно, он не торговал зельтерской водой, как Сеня, которого утром нашли с ножом в его будочке на углу Кирова и Свердлова, а был птицей покрупнее, но он **ТОРГОВАЛ**. Впрочем, может, он и не торговал (так за него решил двор), потому что Абрам Семёнович, раскрыв в то утро «Известия» и прочитав очередную статью о махинаторах и валютчиках, державших подпольные цеха и артели, пустил её по соседям, возмущённо приговаривая:

– Ну, как вам это нравится? Сплошь **НАШИ** люди! Вот паразиты!

Как я понимаю, слово «паразиты» относилось к **НАШИМ** людям, которых за хищения в особо крупных размерах самый справедливый суд в мире приговаривал к высшей мере. К этому приговору для верности Слава Львовна добавила свой:

– Так им и надо! Абрам работает, как лошадь, а что кроме «Черноморца» он в этой жизни видел?

– Хорошо, но зачем же расстреливать? – недоумевая, переспросил её Председатель Конституционного суда.

– Как зачем?! Чтобы другим повадно не было! Они же позорят нас!

Бэллочкиного деда расстрелять не успели. Он повесился в своей камере на третьей после ареста сутки, и весь двор (спасибо позднему барокко) слышал рыдания его дочери.

Через некоторое время «Известия» опубликовали письмо Бертрана Рассела Хрущёву о том, что в расстрельных процессах фигурирует очень много еврейских фамилий и не проявление ли это возрождающегося антисемитизма, на что рядом в ответном письме Никита Сергеевич всех успокоил: стреляют не только в евреев. Но с этого момента расстрелы за экономические преступления поутихли, и Бэллочкин дед, по-видимому, был последней жертвой экономического террора.

* * *

То, что Изя Гейлер – еврей, я догадывался. Но то, что Мишка Майер – немец, это уж слишком. Все немцы, которых я видел ранее, были или пленные, строящие дома по улице Чкалова, или киношно-истерично-крикливые, кроме ненависти и презрения никаких иных чувств не вызывающие.

Мишка ничем особенным не выделялся: как и все, тайно покурил в подвале «бычки», играл на лестничных клетках в карты, и если и рос дворовым хулиганом, то не самым главным, то есть не настолько главным, чтобы быть настоящим немцем.

Но именно от него в день, когда советский народ возбуждённо славил Юрия Гагарина, а Шая-патриот даже распилил по этому поводу бутылку водки с Абрамом Борисовичем, мы узнали страшную тайну: девочка, переехавшая недавно в

первый двор и носящая вполне приличную славянскую фамилию, – скрытая немка.

Вот это уже был номер!

Если вы думаете, что в нашем дворе что-то можно утаить, то глубоко заблуждаетесь. Ни один чекист так не влезет в душу, как это сделают Валька Косая Блямба или Шура Починеная. Через полгода весь двор знал по большому секрету передаваемую историю любви бывшей остарбайтер и пленного немца.

Не знаю, насколько верно история дошла до меня (я могу предположить, что некоторые детали опущены или неточны), но то, что Люда – немка, было абсолютно точно. Ибо не будет же вздрагивать нормальный советский человек на каверзно произнесённое в лицо: «Шпрехен зи дойч?» или «Хенде хох!»

Итак, со слов Косой Блямбы, девочкину мать звали Со-ней, и она была чистокровной, я бы даже сказал, стопроцентной украинкой, если кто-то вздумает копать в шкале ценностей, из старинного города Гайсина.

В сорок втором её вывезли на работу в Германию. На фабрике Соня выучила немецкий язык. Доброжелательное отношение новых хозяев, отличное от героев-освободителей, ультимативно потребовавших за подвиги по освобождению большой любви часа на полтора на пятерых, послужило причиной того, что, вернувшись на Украину и от стыда подальше завербовавшись на шахты Донбасса, она приняла ухажива-

вания девятнадцатилетнего пленного немецкого солдата, Губерта Келлера. Никто пленных не охранял – куда они денутся? А так как барак с пленными до неприличия близко соприкасался с баракom вольнонаёмных, произошла диффузия, названная впоследствии Людой. Губерт Келлер так и не узнал о конечных результатах проделанной на чужбине работы. Пока Соня, сломав в шахте ногу, лежала в больнице, пленных куда-то перевезли. Соня, избегая неприятных объяснений с властями, не афишировала антисоветскую связь. Родила девочку. В графе «отец» указала вымышленное имя. Но когда состоялся XXII съезд КПСС и начались массовые реабилитации, у неё появилась надежда разыскать Губерта. Она написала письмо в посольство ГДР в Москве и ждёт ответа.

Валька Косая, выведавшая Сонин секрет и получившая за настырность кличку «суперагент», чувствовала себя героем дня. До тех пор, пока не попала в руки маньяка. Покушение на её девичью честь совершил не кто иной, как тихий и скромный студент, Петя Учитель. Хотя на самом деле, клялся Петя, он невинная жертва нездорового образа жизни.

– Я сижу вечером в дворовом туалете, а света, как всегда, нету. Заходит Валька. Ей, по-видимому, лень было пройти к дырке. Она снимает штаны и садится прямо перед моим носом. Я осторожно взял её за ляжки, чтобы слегка подвинуть. А она, дура, заорала: «Рятуйте!» Затем выскочила во двор и завопила: «Насилуют!»

– Он нагло врёт! Каждый вечер, когда я иду в туалет, Учитель уже там. Что, это случайно? Или я не знаю, чего он там сидит?! Он меня караулит!

Справедливости ради должен сказать, что дворовый туалет, расположенный в глубине третьего двора, был особой достопримечательностью нашего дома. Незнакомец, входивший во двор, не задавал глупых вопросов: «Где живёт Учитель?» – твёрдо зная, что у него санитарных удобств нет, а напротив, вежливо спрашивал: «Где в вашем дворе туалет?» – и, получив точную наводку, стремглав бежал обозревать памятные места.

Со временем на его дверях я повесил бы мемориальную доску: «Здесь были...» – потому что и милиционер, и школьная учительница, и прокурор, нет, прокурор жил в полноценной квартире с видом на Маразлиевскую – его мы исключаем из списка почётных гостей, продолжаем: рабочий, врач – все осчастливили дворовый туалет.

Возвращаясь к новому скандалу, констатирую: до Конституционного суда, ввиду отсутствия Председателя, дело не дошло. Но самое интересное произошло через год: по двору поползли упорные слухи, что Петька, разглядев нечто сокровенное в Валькином заду, сделал ей предложение.

Нелепые слухи были весьма достоверны. Крики Петькиной бабушки: «Ты что, идиёт! Если вздумаешь жениться на этой проститутке, ноги моей на свадьбе не будет!» – достигали любых, даже самых глухих ушей.

Петька пробовал возражать, но после коротких пауз вновь гремела тяжёлая артиллерия:

– Идиёт! Ты один на всю Одессу, кто ещё не спал с ней!

Заняв круговую оборону, Петя стоял на своём, и даже последний аргумент – угроза лишить наследства, так же, как и последующий: «Я не позволю тебе прийти на мои похороны!» – не могли поколебать его решимости овладеть сердцем прекрасной Блямбы.

Но вдруг на пути его бронепоезда появился невысокого роста неотразимый брюнет. Звали его Нгуен Ван Тхань. Иностранец был выпускником водного института и большим другом Советского Союза. Одно из этих обстоятельств, а может и все сразу, бесповоротно решили судьбу Вальки Косой Блямбы. А Петя, получив на прощание удар в сердце: «Ну и спи, дура, со своей полоумной бабкой!» – уехал с горя на комсомольскую стройку.

Если вы меня спросите: «С чем это едят?» – я не отвечу. Я никогда не был на комсомольской стройке и знаю только, как эти слова произносятся. Хотите, взамен я расскажу про пионерский трамвай? Возможно, это одно и то же. А-а... Про трамвай я уже рассказывал. Тогда извините.

* * *

То, что дворовое сообщество легко обходилось без телефона, я уже говорил.

Супружеская пара с двумя нарядно одетыми детьми подошла к парадному входу.

– Мильманы дома? – осведомляется глава семейства у бабушек, бросивших якорь на низкие табуретки в тени развесистого дерева, сохранившем воспоминания о броненосце «Потёмкин».

– Счас спрошу, – откликается председатель собрания, поднимается с трона, неспешно заходит во двор и, закинув голову, зычно кричит, распугивая голубей, живущих под крышей:

– Мадам Мильман! Ви дома?!

– А что?! – отвечает с пятого этажа мадам Мильман...

– К вам люди...

* * *

XXII съезд стал съездом надежды не только для Людиной мамы.

Весь 1961 год начиная с 12 апреля двор пребывал в лихорадочном возбуждении. Началась долгожданная героическая эпоха, и каждый, испытывая гордость за принадлежность к Великой стране, умилённо следил за динамичной хроникой героических будней: Гагарин и Хрущёв, Хрущёв и Фидель, Фидель и Терешкова, Терешкова и Хрущёв – ура!

Всё не в счет: и в подвале живущие Зозули, и перенасыщенные коммуналки, отсутствие воды, туалета, чёрт с ним,

с туалетом, – утром можно вылить ведро в канализацию – когда МЫ (о, это великое советское МЫ, позволяющее чувствовать себя сопричастным всему – победе «Черноморца», революции на Кубе, судьбам Манолиса Глезоса и Патриса Лумумбы), МЫ, нищие, затравленно дисциплинированные, только-только отстроившие руины, прорубили окно в сердце клятой Америки. «Куба – любовь моя, остров зари багровой...»; и вихрем в космос, выкуси Америка, он сказал: «Поехали!» – и до хрипоты в горле, до одури в глазах: «Ура-а!!!»

Но если быть хронологически точным, то в споре, что было раньше: курица или яйцо, вначале было 12 апреля, а потом сентябрь шестьдесят первого, когда Парикмахера чуть не хватил удар: Евтушенко, «Бабий Яр», в «Литературке»...

– Шелла, ты только послушай, – восторженно вопил Изя, – «еврейской крови нет в крови моей. Но, ненавистен злобой заскоруждой, я всем антисемитам как еврей, и потому – я настоящий русский!» Как он сказал! Как ему позволили? Это не просто так. Без ведома Самого такое опубликовать не посмели бы!

Ну а когда грянул октябрь и Хрущёв выступил со своим докладом на съезде – изумление, растерянность, восхищение, всё слилось в одном слове «надежда»: «прощайте годы безвременщины» и «бездны унижений».

А затем ещё один доклад – от одного потрясения к другому.

Через двадцать лет нас ждёт коммунизм! Господи! Какое великое счастье жить в этой стране! Только бы дожить до восьмидесятого года, когда будет полное изобилие и бесплатный проезд в трамвае.

– Читай, Шелла, там так и написано: каждый будет иметь квартиру, телефон...

А чудесный лозунг «От каждого по способностям – каждому по потребностям» просто не мог не нравиться. Не имея особых к чему-либо способностей и закрываясь стандартным: «Я больше не могу», отовариваться сполна, по потребностям, – какой дурак, если он не чересчур умный, не захочет при коммунизме жить.

Я хочу! Я очень хочу жить при коммунизме. И Изя Гейлер, и Валька Косая, и Петя Учитель, и Мишка Майер, и Изя Парикмахер, и Зозули – все хотят там жить. Только бы прожить ещё двадцать лет без войны!

Изя Парикмахер подал заявление о приёме в партию. Его не приняли – посчитали недостойным, и он не обиделся. В душе он считал себя коммунистом.

Шая-патриот его успокаивал: «Не волнуйся, тебя ещё примут!»

Он послал уже две поздравительные телеграммы съезду и сейчас помогал Юрию Алексеевичу Дубовцеву писать письмо в ЦК КПСС. После составления нескольких вариантов они выбрали наиболее краткий и убедительный.

«Дорогой Никита Сергеевич!

Я, Дубовцев Юрий Алексеевич, был мобилизован в армию 14 июля 1941 года.

В составе 25-й Чапаевской дивизии участник героической обороны Одессы и Севастополя. В июле 1942 года после окончания героической обороны Крыма вместе с большой группой бойцов Красной армии, непреднамеренно попавших во вражеское окружение, я был взят в плен. В плен попал раненым, без патронов и ничем себя не скомпрометировал. Бежал, партизанил, вновь попал в плен, был вывезен в фашистский лагерь на территории Германии. В феврале срок пятого освобождён американцами, прошёл проверку в «Смерше», доказавшую, что я не был предателем и попал в плен не по своей воле, тем не менее 5 лет провёл в заключении и, несмотря на боевое прошлое, участником Великой Отечественной войны не считаю.

Прошу Вас, дорогой Никита Сергеевич, в свете решений исторического съезда КПСС, рассмотреть моё заявление и, чтобы 9 мая мне не было стыдно перед моими детьми, считать меня участником войны и выдать положенную медаль «За победу над Германией».

Весь шестьдесят второй год «Известия» печатали биографии реабилитированных военных. Какие имена! И вопль восторга, 11 июля – в космосе Николаев, 12 июля – Попович! Шестьдесят третий год: 14 июня – Быковский, 16 июня – Те-ре-шкова!

И в тот же год, не давая передохнуть от восторгов, невиданный в истории брачный союз трёх любящих сердец.

О любви втроём наш двор кое-что знал. И я не буду пересказывать хрестоматию, тем более что в любовных сценах Мопассан из меня никудышный, но чтобы так, в открытую, на весь ликующий Советский Союз. О, это было впервые.

В день массовых свадеб, восьмого ноября 1963 года, двор умиленно наблюдал за счастливыми космонавтами, Николаевым и Терешковой, и гадал, благо ещё не было мексиканских телесериалов, только ли роль посажёного отца играет на государственной свадьбе сияющий Никита Сергеевич.

— Побывав в космосе, она сможет родить? — ни к кому не обращаясь, с оттенком недоверия произнесла Шелла, не подозревая, что этот же вопрос беспокоит учёных мужей, задумавших медицинский эксперимент по изучению способности людей, побывавших в космосе, зачать здоровое потомство.

Изя восхищённо посмотрел на жену, но промолчал, что, однако, не ускользнуло от трёхлетней Региночки Парикмахер, безотрывно воткнувшейся в телевизор.

— Мама, а наш папа тоже генеальный секеталь? — неожиданно вопрошает она и на недоумённый вопрос мамы: «Почему ты так решила?» — категорически заявляет: — А он смотрит на тебя, как дядя с телевизора.

— Абрам, ты только послушай, какой умный ребёнок, — прерывает её бабушка. — Иди ко мне, ласточка, дай я тебя

поцелую, и не повторяй большие этих глупостей. Договорились?

«Генеальный секреталь» этого не слышит: он занят более важным делом – лицезрением государственной свадьбы. Хотя через тридцать лет, когда уставший от бесконечного потока просителей визы начальник одесского ОВИРа не выдержит и спросит в сердцах: «Вы-то зачем едете? У вас прекрасная работа, трёхкомнатная квартира. Вам-то чего не хватает?» – именно этот вопрос вдруг станет для него актуальным.

– Простите, а мог ли я в этой стране быть избран генеральным секретарём КПСС? Стать космонавтом? Героём теленовостей? Не под псевдонимом Зорин или, скажем, Утёсов, а под своей родной фамилией – Парикмахер?

Полковник удивлённо на него посмотрит: «Пришибленных много», – подумает про себя и молча подпишет разрешение на отъезд.

Это будет потом. А пока Изя курит во втором дворе вместе с Борей Ольшанским и убеждает его в скорой парламентской победе левых сил во Франции и Италии.

Вдруг – о, это нечаянное вдруг! Оно всегда некстати: вдруг прорвало трубы, ударили морозы, пропало масло, судья дал пенал, сионисты подкупили, а ЦРУ взорвало. Вдруг, когда все уверовали в правдивость Изиных слов, из соседнего парадного с диким криком и со спущенными штанами выскакивает во двор молодая женичина. Самые отчаянные, а

всегда находятся те, кому море по колено, рванули в парадное и застали там мужчину со спущенными штанами, растерянно глядящего на своё обосранное хозяйство.

– Тише, – умоляюще просит он, – за дверью жена.

А теперь по порядку. В счастливый для семьи Николаевых день во втором дворе отмечалась годовщина свадьбы. И в порыве чувств, нахлынувших после принятия спиртного, захотелось вдруг неким М. и Ж., состоявшим в особых отношениях, выяснить особые отношения ещё раз, несмотря на присутствие за столом своих половин. За неимением вариантов – на лестничной клетке.

Только они начали их выяснять, как, вспомнив об осторожности, Ж. прошептала: «Выключи свет! Не ровен час, кто-то выйдет».

И тогда М., не отрываясь от дела, прижимая к себе правой рукой Ж. и пятясь задом к выключателю, протягивает вверх левую руку (поэкспериментируйте на досуге, легко ли выполнить этот трюк) и... хватается за оголённый провод.

Ну, а дальше всё по законам физики: М. – проводник электрического тока, Ж. – потребитель. Реактивная сила, катапультировавшая Ж. во двор, равна силе, с какой Ж. отблагодарила проводник М. Это какой, третий закон Ньютона? – Сила действия равна силе противодействия, но направлена в противоположную сторону.

Подробности М. рассказал приютившему его на пару минут Боре Ольшанскому.

Если бы Боря был художником, ещё один живописный шедевр «Купание красного коня» украсил бы аукцион в Сотби, но увы...

На телеэкране Никита Сергеевич заканчивает произносить тост и целует невесту.

Праздник в разгаре!

Немыслимо представить, что через год Хрущёва тихо снимут и почти все, мой герой – исключение, воспримут это с удовлетворением. Перебои с продуктами, очереди, ежедневное поучительное мелькание его на экране – всё будет дико раздражать и породит массу анекдотов, один из которых запомнился до сих пор: «Что будет, если дать кулаком по лысине?» – «Всё будет».

Кончалась навеянная глотком свободы эпоха романтизма, более точно названная оттепелью, предчувствуя скорые заморозки и гололёд.

Наступило время лицемерия, когда одни удивляясь, другие – восхищаясь бунтом одиночек, третьи – упорно не замечая и слепо подчиняясь системе, – все вместе находили в себе силы мирно с ней сосуществовать, где надо – подыгрывая, где надо – подмахивая; время, правила игры которого удачно подмечены в анекдоте о пяти противоречиях развитого социализма: «Все недовольны, но все всегда голосуют “за”»...

20 июля 1966 года где-то над Уралом на высоте десять тысяч метров в нарушение всех запретов командир авиарейса Одесса – Новосибирск включил радиотрансляцию матча сборных СССР – Чили, и прорывающееся сквозь треск эфира: «Мяч у Паркуяна», – возвращало меня в одесский аэропорт.

Я шёл к самолёту по лётному полю и знал, что мама глядит мне в спину, запоминаются последние взгляд и жест и, если я обернусь, именно это она и запомнит. Слабость. Я должен идти, – убеждал я себя, – не оборачиваясь, она должна запомнить мою уверенность.

Я улетаю на учёбу. Поступал на впервые открывшуюся в СССР специальность, ни о чём мне не говорящую, но умную и загадочную – «автоматизированные методы обработки экономической информации». Чистой воды гуманитарий «клюнул» на слово «экономической».

Ещё через полгода, а потом ещё через год, и ещё... Где бы я ни находился, в ночь на первое января я буду ждать четырёх часов утра по новосибирскому времени, чтобы Новый год встретить одновременно с Одессой.

Во двор я не вернулся, изредка попадая наездами, затем и вовсе... Поэтому о дальнейшей судьбе героев его знаю не много.

Вадик Мулерман из девятнадцатой квартиры уехал к родителям в Харьков – как выяснилось впоследствии, морские ванны и курортный воздух позволили ему стать эстрадным певцом.

Председателю Конституционного суда почти девяносто, полуслепой и полуглухой, он живёт с дочерью в Израиле. Изя с Шеллой в Америке, – к их судьбе, дай бог, мы вернёмся по прошествии времени, – а вот Изя Гейлер, Женька Суворов и Мишка Майер как жили, так и живут в третьем дворе...

Валька Косая, извините, мадам Тхань живёт во Вьетнаме. У неё две дочери, больше похожие на отца, чем на мать. А где Петя Учитель – ума не приложу... Так же, как до сих пор не могу смекнуть, куда подевались головы двух бронзовых львов, украшавшие фасад дома на Маразлиевской, 5, и Одесса, которую мы потеряли...

Часть вторая

Боря, выйди с моря

Тс-с... У Изи появилась женщина.

Не имея привычки лазить по мужниным карманам, Шелла сдала в химчистку на Будённого Изин костюм, а когда на третий день пришла его забирать, вместе с костюмом приёщица гордо возвратила обнаруженные во внутреннем кармане пиджака восемьдесят рублей и конверт с аккуратно выведенным красивым женским почерком адресом: Одесса-14, до востребования, Парикмахеру.

— Это мне? — принимая находку, дрожащими губами произнесла Шелла, выдавливая сквозь зубы благодарную улыбку. — Спасибо. Только зачем?

Последние слова, сердцем предчувствуя неумолимо надвигающуюся катастрофу, она вымолвила невпопад, чисто механически воспроизводя приличествующие движения. Поправила причёску, зачем-то отошла к скамейке, сбитой двумя поперечными досками из трёх стульев, и обессиленно присела, сжимая злосчастные восемьдесят рублей и конверт.

— Женщина, вы забыли костюм, — доплыла к ней из далекого космоса странная фраза.

— Щас, щас, — растерянно отвечала Шелла, дрожащими руками вскрывая конверт. — Спасибо. Минуточку. Я щас.

Так и есть... Женщина.

Прежде чем приступить к оглашению письма и составлению протокола изъятия вещественных доказательств, следует перевести стрелку часов на некоторое время назад, а именно в год тысяча девятьсот семьдесят первый, когда Изя начал «делать большие деньги». Особо нетерпеливые, жаждущие общественного суда, могут пропустить несколько беллетристических глав, важных лишь для моего подзащитного. Согласитесь, во все времена коллекционирование денежных знаков – занятие хоть и приятное, но не из самых лёгких и безопасных, а если вспомнить, какой на календаре год, Великую Эпоху и рекомендации достопочтенного Остапа Ибрагимовича чтить уголовный кодекс и использовать лишь сравнительно честные способы их отъёма, то всё становится на свои места.

Особо непонятливым напомним притчу о замёрзшем воробье, обогретом проходящей лошадью, ожившем, радостно зачирикавшем и попавшем в лапы кошки, назидательно промывавшей мораль для всех последующих поколений: сидишь в тепле – наслаждайся жизнью и не чирикай об этом радостно во весь голос.

Изя уголовный кодекс не только читал, но и временами почитывал, любуясь немеркнувшим с тридцатых годов бестселлером – статьей о видах незаконного промысла. Индивидуальная трудовая деятельность: шитье лифвов, ремонт обуви, починка часов, изготовление табуреток – для пресечения

ростков капитализма разрешалась только при наличии лицензии, получение которой из-за отсутствия инвалидности (данные паспорта и контузия при Будапеште в учёт не принимаются) для Изи, впрочем как и для любых иных искателей приключений, было сопоставимо со счастьем выиграть билет на право быть захороненным у Кремлевской стены. Об Изиных похоронах, если будет суждено нам до них дожить, поговорим позднее, а сейчас, как обещано, переводим стрелку часов назад.

– Колорадский жук! На верёвке прыгает, ножками дрыгает! – бойко рекламировал возле Ланжероновской арки «прыгающие» мячики безногий инвалид.

Изя, следуя с семьей на пляж, искоса посмотрел на начинающую полнеть жену, представляя её на месте инвалида, затем на бодро шагающую впереди тещу («У неё торговля пошла бы лучше», – подумалось ему) и не без доли сожаления произнёс:

– У твоей мамы такие прелестные формы, что, будь она на двадцать лет моложе, вполне могла бы за счёт своего бюста содержать всю нашу семью.

– Меня ты уже не принимаешь в расчёт? – расправив плечи, шутливо обиделась Шелла.

– Как это не принимаю? – деланно возмутился Изя. – А кто ежемесячно отдаёт тебе сто тридцать рэ? Если поделить на тридцать дней, то получается почти по четыре рэ за ночь.

А с учётом простоев и выходных ты зарабатываешь за ночь почти как валютная проститутка.

– Нахал! – Шелла включилась в игру и, смеясь, слегка стукнула его кулачком по спине. – Ты меня так дёшево ценишь? Сегодня ты будешь иметь большую экономию, – и для пущей убедительности она насупила брови. – Так, с сегодняшнего дня ночуешь у своей мамы. Она мне ещё будет доплачивать, чтобы я забрала такое добро назад, – распаляясь, витийствовала Шелла.

Изя не думал сдаваться:

– Всё, ухожу к маме. Два раза в неделю. Значит, восемь раз в месяц. Сто тридцать на восемь – это сколько? – вслух подсчитывал он. – Пятнадцать, нет, шестнадцать рэ за ночь... Да за такие бабки я же могу царский номер снять в «Красной»!

Супруги полусерьёзно-полушутя обсосали тему проституции, индивидуального промысла, истреблённого в первые советские пятилетки и, ввиду отсутствия оногo в эпоху развитого социализма, не вошедшего в перечень незаконных, а посему и ненаказуемого.

– Ну, что же придумать? – лежа на подстилке, рассуждал Изя. – Малярничать, строить коровники – это не с моими руками...

– Руки у тебя действительно растут из задницы, – донёсся из-под газеты до боли родной голос Славы Львовны.

– Хоть здесь можно не вставлять свои двадцать копеек? – недовольно огрызнулся Изя. – Вы, кажется, загораете, – сле-

лал он ударение на слове «кажется». – Так загорайте себе на здоровье и не портите людям море.

Шелла толкнула его в бок и шепнула: «Прекрати».

Изя не унимался: «Это когда-нибудь кончится? Я пришёл на пляж отдыхать, а не слушать бесплатных комментаторов армянского радио! Если ей скучно, пусть разомнётся ногами по песку!»

Шелла вытащила из целлофанового кулька персик: «На, подкрепись!» – и, дождавшись, когда лекарство подействует, вернулась к реалиям дня: «А может, ты смог бы, как Аркаша, торговать на толчке джинсами? Я могу переговорить с Гришей, и он даст тебе товар на пробу».

– Чтобы меня посадили?! – взорвался Изя и осёкся, застыв взглядом на полнокровной матроне, в шаге от него снимающей лиф.

– Фима, пойди хорошенько прополосни и выкрути, – давала она очередное указание мужу-дистрофику.

– Мамочка, дай я тебе помогу застегнуть лифчик, – засуетился дистрофик, пытаясь щедедушным телом прикрыть наготу супруги.

– Я тебе что сказала делать! – строго прорычала одесская мадам Помпадур.

Скорчив гримасу, привлекая внимание жены, Изя восторженно указал ей на стриптиз по-одесски, для убедительности пробормотав: «Как тебе это нравится? Рубенс должен здесь застрелиться», – что, по-видимому, означало: пышнотелые

красавицы Рубенса не стоят мизинца одесской мадонны, и, наблюдая за дистрофиком, безропотно ушедшим к морю полоскать лиф, продолжил прерванный разговор.

– Нет, толчок не для меня. Я сгорю от стыда, прежде чем вытащу что-либо из сумки, – он встал, стряхнул с груди песок и протянул руку жене: «Хватит о делах. Идём освежимся».

* * *

За исключением двух летних месяцев, когда в Одессе нечем дышать, остальное время года в границах от Пироговской до Старопортофранковской воздух над городом насыщен парами аурума. Феномен этого атмосферного явления, равно как и озоновой дыры над Индийским океаном, до сих пор остаётся научной загадкой, хотя и бытует мнение, что наличие золота в атмосфере – следствие носовых выбросов полумиллиона вундеркиндов, выбравших для своего созревания этот странный город.

Не стоит особого труда опровергнуть сказанное, ибо, попав на другую почву, одесские самородки тускнеют и во втором поколении ничем выдающимся не выделяются. Нет, дело в ином. И если секрет воздуха был бы разгадан, то ничего не стоило бы воссоздать его в лабораториях Москвы и Петербурга; ан нет, кисло в борщ (дословный перевод: на-ка, выкуси!), здесь и только здесь, в очерченных от моря грани-

цах, если правильно дышать, суждено стать писателем, артистом или, на худой конец, миллионером.

Ося Тенинбаум, простите – Тенин, а чёрт, проклятый склероз, Ося Баумов умел дышать носом. И когда все ходили осатаневшие, он, благодаря особому даже для одесситов строению носоглотки, мгновенно чувствовал, с какой стороны дует гешефтный ветер и безошибочно шёл на запах свежо хрустящих денег.

Талант его – в нужное время «находить узбека», – открывшийся в военном Ташкенте, с необычной силой расцвёл на родной почве. В Осе родился изобретатель.

– Пусть Изя засунет свой гонор в задницу и придёт ко мне, – убеждал Ося Шеллу на дне рождения Славы Львовны. – Я включу его в список соавторов. Кроме того, что он хороший конструктор, ничем иным он не может похвастаться. Таких, как Изя, я могу набрать пучок зелени в базарный день. Но он мой брат. Я хочу помочь ему. Ты не возражаешь? – Шелла кивнула головой, не вникая в потайной смысл его речей. Ося многозначительно улыбнулся и, обняв Шеллу за талию, пригласил на медленное танго. Изино согласие не требовалось – он находился в командировке и в день рождения тёщи отметил поздравительной телеграммой.

– Ты такой умный, – польстила Шелла. – Как ты превратился в изобретателя?

Ося расплылся в самолюбивой улыбке.

– С моими мозгами Изя тоже им станет. Не так важно

изобретение, как гонорар. Надо доказать, — как — это история отдельная, — что какая-то фитюлька произвела техническую революцию, аналогичную изобретению пороха, фарфора, шёлка, и как минимум тянет на максимально полагающееся по советским законам вознаграждение. Дабы не утомлять тебя цифрой в двадцать тысяч рублей приведу товарный эквивалент: четыре автомашины «Жигули» или триста двадцать ящиков «Столичной».

— Вау! — у Шеллы перехватило дыхание. — Ты гений!

— В жизни, как и в дипломатии, высшее искусство — вести две стенки, — указав на две противоположные стены, нашёптывал Ося. — Я на спор, на два прихлопа, три притопа уболтаю любого, в том числе и тебя, на всё что угодно.

— На всё что угодно не надо, — наигранно засмеялась Шелла. — Я замужняя женщина. Но как ты знаешь, какая заявка выстрелит? — вернулась она к волнующей её теме.

— А я ничего не знаю, атакую количеством. Беру в соавторы Изю, он — меня. Как учил Гегель? Со временем количество переходит в качество. Чем больше заявок подано, тем больше вероятность, что одна из них отблагодарит нас по максимуму. Сам Господь Бог велел пастве не кушать пирог в одиночку. Хочешь получить свой кусок пирога — делись с ближним. Всё поняла?

— Кто спорит, когда речь идёт о гешефте, — охотно подтвердила Шелла, мысленно подсчитывая дивиденды. «После возвращения Изю из командировки надо попытаться поми-

рить его с Осей. Ссора их была просто дурацкой».

– У меня уже сорок авторских свидетельств, и везде я не один, в компании. Сумма вознаграждения увеличивается, если в соавторах директор и главный инженер. Делиться, душенька, надо с начальством, – нежно ворковал над её ухом Ося, раскрывая секреты бизнеса. – Выпьем по этому случаю на брудершафт? – подвёл он её к именинному столу.

– Спасибо, но я не пью.

– У меня есть прекрасный тост. Самый короткий в мире. В котором заключена мудрость всех книг.

– Ну?

– Ты его уже сказала, – он замолчал, пристально посмотрел ей в глаза и, подняв бокал, с придыханием многозначительно произнёс:

– Н-нууу...

* * *

Женька Левит дико хохотал. Разинув рты, сотрудники отдела непонимающе глядели на трясущегося Женьку, постепенно заражаясь его настроением, и только Гриша Корецкий, студент, принесший Жене на рецензию свой диплом, чуть не плача смотрел на него умоляющими глазами.

– Ну смотри, – сквозь смех выдавил из себя Женька, – раздел «Гражданская оборона». Что ты пишешь? Подзаголовок: «Средство защиты спецстанка от оружия массового по-

ражения». Ну, а дальше, — давясь от смеха читал он, — «оружием массового поражения является ядерное, химическое, бактериологическое...» Ну как, — чуть ли не в истерике вопил Женька, — как ты будешь защищать спецстанок от оружия массового поражения? — Он наконец-то посмотрел на поникшего Гришу и, с трудом успокаиваясь, предложил оригинальный ответ: «Будешь в шпиндель делать прививки от оспы?»

Гриша молча забрал диплом и скрылся. Женька долго корил себя, что не сдержался и не дочитал диплом до конца, лишив себя удовольствия, но после этой истории он присел за Изин кульман.

— Старик, пора уже на мудаках начать делать деньги. Чертёжный лист стоит пятнадцать рэ. К нам на практику приходит уйма ребят из техникумов и из институтов. Среди них наверняка есть те, кто никогда не держал в руках карандаш. Диплом техникума стоит от ста тридцати до ста сорока. Попробуем открыть бизнес напополам?

Изя посоветовался с Шеллой, очередной раз перечитал уголовный кодекс и удостоверился: чертёжные работы, равно как и проституция, законом запрещены не были.

— Один из нас должен начать работать, — за традиционным вечерним чаем Шелла подвела итог колебаниям мужа. И, улыбаясь, предложила: — Выбирай. Ты или я. Закон предоставил нам равные возможности для ведения бизнеса. Аминь! — подняв чашку, салютовала она и небрежно бросила

на чашу весов ещё одну гирьку. – Региночка из всего уже выросла. Да и у меня, стыдно сказать, нет лишней пары трико.

Последний аргумент, если пользоваться им осторожно, убивает любого. Изя не исключение. Забота о трико – святой долг супруга. Это прописано в законе о семье и браке, не помню, в какой главе. Любой юрист по разводам подтвердит его значимость.

* * *

На Восьмой станции Черноморской дороги у Женьки был собственный дом. Дом – это громко сказано. Две небольшие комнаты и кухня на первом этаже, винтовая лестница и большая комната на втором, в которой Женька установил украденный с работы кульман. Жил он с женой на Гайдара, а оставшийся в наследство от родителей дом служил то летней резиденцией (типа Кэмп-Дэвида), то домом деловых встреч, для чего в каждой комнате имелись диван и смена постельного белья (на всякий пожарный случай). А с недавних пор под крышей дома разместилось подпольное Конструкторское бюро по серийному изготовлению дипломных проектов.

Поиск клиентов Женька взял на себя. Он «отлавливал» их, когда студенты приходили на преддипломную практику, группой собираясь у заводской проходной, и брал их ещё тёпленькими.

– Девочки, – выбирал он двух-трёх приглянувшихся ему студенток, твёрдо уверенный, что чем девочка симпатичней, тем большая вероятность, что диплом она сделать не в состоянии, – если кому-то нужна помощь при написании диплома: чертежи, записка – пожалуйста, вот мой адрес, – и вручал самодельную визитку с указанием домашнего и рабочего телефонов.

С заочниками было сложнее – вылавливали их только во время экзаменационной сессии, – но зато они платили лучше и «отдавались» быстрее. Женька подходил к техникуму и, выискивая по расписанию экзаменационной сессии нужную группу, проделывал тот же рекламный трюк.

Каждый новый семестр существенно пополнял семейный бюджет Парикмахеров, и вскоре Шелла смогла позволить себе не только лишнюю пару трико, но и итальянские сапоги, и югославские туфли. А летом супруги съездили в отпуск в Прибалтику.

* * *

Вот и дошла очередь до письма. Мне так не хотелось, чтобы Шелла его читала, и я как можно дольше оттягивал его обнародование, но, если она уже вскрыла конверт, не могу же я, пользуясь правами автора, вырвать письмо из рук и уничтожить. Даже воспользовавшись случайным порывом ветра. Нет, будь что будет, я не в силах повернуть колесо исто-

рии вспять.

Изенька, счастье моё ненаглядное!

Я ночами не сплю, думаю только о тебе. Муж подозревает что-то, спрашивает каждый раз, почему я не в своей тарелке. А что я могу ему сказать? Что влюбилась, как дура? Но дело не только в этом. Я вчера была у гинеколога, и он подтвердил, что я беременна. Если ты скажешь «да» и захочешь, чтобы я подарила тебе сына, скажи только «да», и я всё для тебя сделаю. Только чтобы мы были вместе. Моя мама всё знает, а Вася нет. Поэтому своё решение пиши: Исмаил, Главпочтамт, до востребования, Оксане Перепелице. Я прекрасно понимаю твоё состояние и не хочу рушить твою семью, но жизнь у человека одна и счастье тоже. Имеем ли мы право отказать себе в малом – любить? Ни в чём не хочу упрекать тебя. Знаю только, что мы нужны друг другу. Очень жду твоего ответа. Всё валится из рук, когда думаю о тебе. По первому твоему звонку я скажу Васе, что мне надо отвезти контрольные в институт, и приеду.

Привет Жене. Целую бесчисленное число раз.

Твоя Оксана.

– Боже мой!

Шелла услышала голос приёмщицы и, подняв с трудом голову, увидела её, стоящей за спиной и дочитывающей письмо.

– Боже мой, какой подлец! – повторила приёмщица.

– Да, – прошептала Шелла, инстинктивно пряча тетрадный листок.

– Дать водички? – участливо спросила приёмщица, аккуратно кладя возле Шеллы мужнин костюм, и, видя, что та вот-вот разрыдается, присела рядом.

– Думаешь, мой муж был лучше? До химчистки я ведь не работала. Была морячкой. Проводила я его как-то на судно (он плавал стармехом на «Грузии»), попрощалась и уехала на такси домой. А по дороге вспомнила, что оставила у него ключи от квартиры. Возвращаюсь на этой же машине в порт, влетаю на пароход (до отплытия оставалось минут двадцать), а он уже закрылся с бабой в каюте. Не мог, скотина, дожидаться выхода в море. А я ведь за три часа до этого – подумать только: за три часа! – была с ним. Что, он был так голоден, что не мог потерпеть неделю? Или всё та же блядская мужская натура?! Было бы куда сунуть! Меня аж кипятком ошпарило!

Приёмщица выговорилась, обняла Шеллу за плечи и благодушно продолжила:

– И чего я добилась? Молодая была. Горячая. Едва двадцать шесть исполнилось. Сыну два года стукнуло. Как он потом ни уговаривал и ни молил о прощении – я сказала: «Нет, уходи». А сейчас жалею. У него другая семья, а я десять лет как одна с сыном. Конечно, мужики были – стоит хвостом вильнуть, табун под окнами бьёт копытами.

А когда до женитьбы дело доходит, нет никого, вмиг разбегаются. Знаешь что, вот тебе, милочка, мой совет: сделай вид, что ничего не знаешь. Положи письмо в карман и отдай вместе с костюмом. А деньги себе забери.

Шелла удивлённо подняла на приёмщицу полные слёз глаза.

– Да, да, не удивляйся. Поверь, так будет лучше. Деньги тебе не помешают. А если появится шанс рассчитаться, око за око, – она пригрозила изменищикам кулачком, – ни минуты не сомневайся, дуй во все паруса. И посмотрим, кто за кем ещё будет бегать. Извини, у меня люди, – приёмщица кивнула на очередь, выстроившуюся, пока они разговаривали. Нехотя приподнялась. Дружелюбно улыбнулась. – Заходи, подруга, когда будет время. Посекретничаем, – и, покачивая телесами, не торопясь, поплыла на рабочее место.

Шелла вышла на улицу. Не замечая трагедии, город жил обыденной жизнью. Прохожие спешили по своим делам, не выказывая малейшего желания остановиться и выразить сострадание. Жить не хотелось. Но, как ни странно, не возникало и желание умереть. Шелла бесцельно дошла до угла, вернулась к химчистке, несколько минут постояла у входа, подумывая о мести: стоит ли подойти к приёмщице и поинтересоваться, есть ли у неё кто-нибудь на примете. Крамольная мысль властвовала недолго, и она приняла единственное разумное в данный момент решение: дать бой на вражеской территории. Цвет лица восстановился, она

схватила такси и поехала к Изиной маме.

– У меня к вам серьёзный разговор, – войдя в комнату, твёрдо начала Шелла и, не выдержав, сорвалась на фальцет: – Ваш сын лишает вас внуки, а себя – дочери.

– Успокойся, доченька, – встревожилась Елена Ильинична. – Расскажи без нервов, что произошло. Я сама разберусь с ним.

– Полюбуйтесь! – с вызовом бросила Шелла на стол письмо. – Ваш сынуля!

Надев очки, Елена Ильинична взяла письмо и подошла с ним к окну.

– Нашёл себе хозэрыну! – не дав свекрови дочитать письмо, взорвалась Шелла, сквозь слёзы, дрожащим голосом выдав из себя:

– Лучшие бы Региночка была сиротой, чем заживо хоронила отца!

– Шелла, не смей так говорить!

– А он смеет! Бросить такого ребёнка ради этой гойки! Он смеет! Докатился до проститутки!

– Ты с ним уже говорила? – дочитав письмо, из последних сил сохраняя выдержку, спросила Елена Ильинична. – Как это письмо попало к тебе?

– О чём мне с ним говорить?! – вопила Шелла. – Это ваш сын – вы с ним и разбирайтесь! Эта блядь ждёт от него ребенка! Вы что, до сих пор ничего не поняли?!

– Шелла, как ты можешь так выражаться?

– Блядь! Стерва! Сволочь! – В истерике Шелла бросилась на диван и, дёргаясь всем телом, завывала в подушку.

В испуге Елена Ильинична кинулась к аптечке, чуть не силой заставила Шеллу выпить валерьянки, уговорила лечь и, втихнув ей в рот таблетку элениума, за компанию накапала и себе. Капель для себя не пожалела, вызвав бурное недовольство трёх вышитых на атласном коврике котят. Увидев, что Шелла притихла, Елена Ильинична решительно сняла телефонную трубку. После нескольких безуспешных попыток ей удалось дозвониться.

Шелла пришла в себя и, поняв, что свекровь разговаривает с Изей, настороженно вслушивалась в разговор.

– После работы немедленно приезжай ко мне.

Десятисекундная пауза. По выражению лица свекрови Шелла старалась понять, что говорит ей сын.

– Это не телефонный разговор, – звучал твёрдый голос свекрови. – Приедешь – узнаёшь.

Пятисекундная пауза.

– Да, я здорова. Но я тебя жду.

Десятисекундная пауза.

– Никакого Левита. Все халтуры твои подождут.

Пятисекундная пауза.

– Мне наплевать на твоих студентов. Я два раза повторять не намерена. И учти, что я скорей откажусь от тебя, чем от Региночки.

По фразам, произносимым свекровью, Шелла догадыва-

лась, что отвечали на том конце провода, но, услышав последнюю, она встрепенулась, благодарно посмотрела на Елену Ильиничну и возбуждённо зашептала.

– Скажите ему, что Региночка не желает его видеть.

– При том, при том, – не обращая внимания на реплику невестки, продолжала Елена Ильинична. И грозно добавила: – Учти, все твои шуры-муры мне известны. Если до шести часов ты не явишься – забудь, что у тебя есть мать.

Изя наконец-то понял, что дело принимает серьёзный оборот: мама такими словами зря бросаться не будет, а для Шеллы, когда прозвучала угроза, применяемая в исключительных случаях, наступил переломный момент. Она напряжённо вслушивалась в разговор, пробуя понять, что отвечают на втором конце линии, но Елена Ильинична, поворачившись к невестке спиной, отошла с телефонной трубкой к окну. Томительная пауза, во время которой, пребывая в неведении, Шелла едва не получила инфаркт, закончилась неожиданно:

– Да, я тебя накормлю.

Через секунду (можно было предположить, что прозвучал вопрос о меню) Елена Ильинична ответила:

– Как что? Котлеты с пюре, бульон, вишнёвый компот. Этого тебе мало?

Последние слова миролюбиво завершившегося разговора Шеллу насторожили и возмутили. «Конечно, она его простит! Любимый сыночек! Она уже думает, чем бы его на-

кормить. Чёрта с два она на него повлияет».

Елена Ильинична положила трубку и повернулась лицом к невестке.

– Не волнуйся, – прочитав её мысли, сказала она, садясь на диван и приглашая Шеллу сесть рядом. – Лучшей невестки, чем ты, мне не надо. Я ему так скажу, когда он покушает: выбирай, я или твоя гойка. Он меня слушает. Я тебе обещаю.

Шелла преданно смотрела на свекровь.

– Мама, – впервые за время визита она назвала её мамой, – эта мерзавка шантажирует его ребёнком.

– Пусть шантажирует. Его ребёнок, или не его, или вообще эта стерва его придумала, меня это не интересует. Я от Региночки – это же такое солнышко! – она всплеснула руками, – никогда не откажусь. Ты с Региночкой для меня ближе, чем он. И если он хочет вдобавок потерять мать – пусть теряет. Иди спокойно домой, – ласково выпроваживала её Елена Ильинична, – я оставлю его сегодня ночевать у себя.

– Но после разговора с ним вы мне позвоните? – встрепетнулась Шелла.

– Обязательно. Но так, чтобы он не слышал. А если он придёт домой, сделай вид, что ты ничего не знаешь.

– Как это я ничего не знаю?! – возмутилась Шелла. – Ещё как знаю!

– Прости, я не так выразилась. Не заводи с ним разговор

под горячую руку. Хорошо? Если только он не начнёт его сам. В таких делах надо проявить выдержку.

Успокоив и проводив невестку, Елена Ильинична посмотрела на часы. Убедившись, что до Изиного прихода в запасе есть два ещё часа, она накапала себе тридцать капель корвалола и с мыслью: «Он хочет моей смерти», – в изнеможении легла на диван, предварительно заведя будильник на пять часов вечера.

* * *

Советский Союз лихорадило. Одессу «заносило». Отдел била мелкая дрожь. Человечество нехотя рассталось с мечтой о вечном двигателе. С желанием мгновенно разбогатеть оно не расставалось никогда.

Но если в государстве С.С., в дальнейшем именуемом Катало, организация азартных игр частными лицами каралась законом, те же действия, но производимые Каталой, являлись законным промыслом последнего. Каталой, играющее против частного лица, выигрывало всегда: игра шла по его правилам. А за попытку уклониться Каталой хватало провинившегося за ноги и вытряхивало всё, что находилось в его карманах.

Весь день Изя пребывал в состоянии эйфории. Вчера по Женькиной просьбе он два часа провёл в заводской библиотеке, выписывая выигравшие номера «Спортлото». Наколов

с утра на доску лист ватмана и аккуратно расчертив его, Изя вписывал счастливые шесть чисел, пытаясь установить математическую закономерность закона фортуны.

Наблюдая за ним, Мишка Винер, председатель артели «Честный выигрыш», нервничал. Пошёл третий месяц, как ему удалось уговорить около тридцати сотрудников КБ скидываться по шесть рублей. Закупив несколько сот билетов и заполнив их всевозможными вариантами, Мишка терпеливо ждал выигрыша. Но на этот раз Левит шесть рублей не дал. Заподозрив неладное, Мишка напрямую спросил: «Ты дашь деньги или нет?» – Женька помялся и честно ответил: «Нет». – «Почему?» – настойчиво переспросил Винер, и Женька признался, что Изя изобрёл выигрышную систему и он-де теперь регулярно играет с ним и выигрывает.

Вначале Винер не поверил, решив, что Левит из скупости вышел из игры, но, увидев таблицу и шушуканья приятелей, понял: система есть!

Он подошёл к Женьке и, смущаясь, попросил взять его третьим. Женька отказался, ответив, что хозяин системы – Изя. Мишка подошёл к Изе, но тот вдруг начал отказываться, мямлить, мол, системы нет, есть лишь намерение её создать... Звучало неубедительно. Чем упорнее Изя отказывался, тем больше Винер верил: его обманывают! Он предложил Изе продать систему. Тот наотрез отказался. Мишка предъявил ультиматум. Если до двенадцати часов дня секрет системы не будет раскрыт, Изю ждут огромные неприятно-

сти. Изя ликовал. Каждые полчаса Винер подходил к нему и грозно спрашивал: «Ну, ты надумал?» Изя глубокомысленно глядел в таблицу и вяло повторял: «Женька пошутил. Системы нет».

Розыгрыш обещал стать великолепным. И уже не жалко было потерянного в библиотеке времени, как вдруг... мамин звонок. А ведь после работы он собирался ехать к Левиту заканчивать чертёж приспособления и начинать план цеха. Изя попытался объяснить маме, насколько он занят, но фраза: «Я скорее откажусь от тебя, чем от Региночки», – его насторожила.

Что она знает? Недвусмысленный намёк на шуры-муры подтвердил догадку: маме что-то известно. Оксана виделась с ней? Исключено. Женька кому-то проболтался? Нет, нет, чушь какая-то. Шелла? Утром он с ней расстался – всё было в порядке. Она завернула ему завтрак. Он сказал, что заедет после работы к Левиту и будет дома не раньше одиннадцати.

«Письмо!» – резко ударила в голову чудовищная догадка.

Возвращаясь на прошлой неделе из командировки, по дороге домой он зашёл на почту и, получив письмо Оксаны, положил его во внутренний карман пиджака.

– А, чёрт! Дурак безмозглый! – тихо выругался он. – Такой прокол! – Когда он уже подготовил Шеллу к тому, что на следующей неделе выезжает в срочную командировку в Вильнюс, и позвонил Оксане, чтобы та приезжала к Левиту на Восьмую станцию...

– Чёрт! – застонал он и с мольбой посмотрел на погрузившегося в чертёж Женьку. – Что делать?

Женька не реагировал.

– Старик, есть дело! – после некоторых колебаний Изя пошёл к Левиту. – Пойдем, выйдем, надо посоветоваться.

В отличие от Изи, впервые ступившего на тропу внебрачной любви, гены Казановы, по наследству переданные Левиту, играли в его жизни главную роль. Женскую грудь Левит впервые увидел в родильном доме и никогда с ней больше не расставался. Оксану он подарил Изе, не уточняя, что однажды последний эпюр по начерталке они завершили в его постели. Повторяться он не любил и «выставил» Оксану элементарно: наврал, что Изя, в прошлом советский разведчик, чуть ли не единолично предотвратил фашистский путч в Венгрии. После ранения он вынужден был оставить службу, вернулся в Одессу и по требованию командования, настаивавшего на том, чтобы Изя создал семью, женился. А сейчас, вылечившись, он ждёт приказа отправиться в длительную зарубежную командировку.

Оксана с восторгом смотрела на героя-разведчика и, когда они остались вдвоём (Женька специально пораньше уехал домой), как бы случайно завела разговор о Венгрии. Изя, заранее подготовленный Женькой, о службе в советской разведке ничего не рассказывал, но чем больше он скрытничал, тем с большим восторгом Оксана смотрела ему в рот, пока,

осмелев, не расстегнула одна за другой пуговицы рубашки.

Неожиданно для себя Изя «приплыл» быстро. А когда, надев халатик, она вышла на кухню и вскоре принесла на подносе кофе в постель, Изя обомлел. Впервые в жизни он, как барин, лежал на диване и молодая красивая женщина преданно и покорно ухаживала за ним.

Она присела у его ног, и, к Изиному удивлению, у него открылось второе дыхание. О! Это была фиеста! Никогда ранее он не совершал таких подвигов. Окрылённый триумфом, Изя начал ворошить память, вспомнил почему-то рассказ Шейнина «Динары с дырками», и... «Остапа понесло».

– Я пил пиво в Баден-Бадене, в кафе, куда заходил обычно по средам с четырнадцати до четырнадцати двадцати, когда ко мне подошёл долгожданный связник из Центра и передал приказ: через день, приняв облик саудовского дипломата, я должен быть в Будапеште. В тот день мятежники захватили столицу и повесили городское руководство компартии. А дочь первого секретаря горкома, – Изя на мгновение запнулся и перешёл на новую орбиту, – имя её никакого значения не имеет, была нашим резидентом. Но о том, что она была моей любовницей, знал только мой шеф из Центра. Мы должны были пожениться. Поэтому именно мне было поручено найти Яноша Кадара, прятавшегося от мятежников, и передать текст письма, с которым тот должен обратиться в Москву за военной помощью. Когда я прибыл в Будапешт, моя невеста была мертва. Я нашёл Яноша Кадара в бункере

под Дунаем и передал ему письмо. Он был растерян, не без оснований опасался за свою жизнь и моё появление воспринял как знак свыше. Я обещал ему пост главы государства. Он беспрекословно выполнял мои указания. Все дни, пока мятеж не был подавлен, я находился возле него, подбадривая и помогая советами. В последний день мятежа мы попали под минометный обстрел. Я сбил Яноша с ног и накрыл его своим телом. Вторая мина аккуратно разорвалась возле меня. То, что я плохо слышу на левое ухо, следствие той контузии.

– А твоя женитьба? Это правда, что ты выполнял приказ? – восторженно спросила Оксана, нежно целуя шрам, оставшийся после удаления аппендикса.

– Ты и это знаешь? Вот Женька болтун! – притворно возмутился Изя, играя её золотистыми волосами. – Ладно, только никому не говори.

– Да, да, никому, – зачарованно повторила Оксана, прижимаясь к его груди.

– По правилам, советский разведчик должен иметь семью. Ты понимаешь, насколько важно, чтобы он постоянно ощущал духовную связь с Родиной?

– Я люблю тебя, – прошептала Оксана от имени Родины. Даже если бы Изя узнал о присвоении ему звания Героя Советского Союза, он не был бы так счастлив, как в эти минуты, когда волшебной недоступной женщиной, купаясь в лучах его славы, восторженно шептала ему на ухо: «Изенька, какое у тебя редкое имя».

– Ты чудо, – восторженно повторял Изя, впервые в жизни гордясь своим ближневосточным клеймом.

На другой день ему было стыдно, и на расспросы Женьки, с утра потащившего его в курилку: «Ну, как? Удалось уболтать девушку?» – он кратко ответил: «Да. Она чудо». – Помялся и, стесняясь того, что произошло, спросил: «Может, признаться, что я инженер?»

– Ты что, с ума сошёл! Хочешь всё испортить? Я ж для тебя старался! – возмутился Женька. – Пойми, женщинам нужен кумир, звезда! Они влюбляются в артистов и футболистов, поэтов и дипломатов, им нужен человек редкой профессии, необычной судьбы, возле которого, точнее в лучах славы которого, они будут блистать. Вспомни, что сказал Джон Кеннеди, когда впервые прибыл в Париж: «Вы, конечно, меня знаете... как мужа Жаклин Кеннеди». Каждая женщина мечтает, чтобы о ней так сказали. Не лишай себя, старик, маленького счастья и не глупи. Ей нужно, чтобы ты был разведчиком. Так будь им! Какая тебе разница! Знаешь, кем только я в своей жизни не был, – и Женька увлечённо принялся перелистывать страницы своих мемуаров: моряк дальнего плавания, следователь прокуратуры и даже незаконнорожденный внук опального Никиты Сергеевича Хрущёва. – Так что не дрейфь, – подбодрил он Изю. – И приобретай, пока я жив, бесценный опыт, если и впредь хочешь голыми руками брать в оборот порядочных женщин.

Изина любовь длилась около года, вспыхивая во время

сессии и затихая, когда Оксана возвращалась в бывшую турецкую крепость к машинисту Васе.

Письмо Оксаны Изю обрадовало и удивило. Он не заметил, как увлёкся, и постоянно терзал Женьку разговорами, что надо срочно что-то придумать, чтобы по окончании института привязать Оксану к Одессе.

Потуги коммивояжёра переключить его на другую женщину были напрасны. Как Ева у Адама, Оксана была в его жизни второй женщиной. Изю заклинило, и он позабыл, что в зарослях каждого рая таится своя змея. Штурм Измаила фельдмаршалом Парикмахером приближался. И хотя генерал Сперматозоид со своим малочисленным отрядом уже проник в крепость, подготавливая её к почётной капитуляции, тылы и обозы ещё не подтянулись, застряв в предместьях Одессы. Телефонный звонок застал фельдмаршала врасплох. К появлению мамы он не был готов. Штурм Измаила сорвался, не успев начаться.

– Старик, что делать? – жалобно переспросил Изю, по уши засыпанный осколками телефонного артобстрела.

– Идиот, ты надумал оставить семью?

– Нет, – неуверенно промямлил Изю, – но она ждёт ребёнка.

– Ребята, мой вступительный взнос сто рублей, – раздался за их спинами жалостный голос Винера.

– Мишенька, оставь нас, пожалуйста, до завтра, – Женька

обнял его за плечо и отвёл от Парикмахера, – мы как раз сейчас обсуждаем, следует ли расширить совет директоров.

– Я предлагаю хорошие деньги, – ныл внук отца Фёдора.

– Мишенька, до завтра, – Левит был неумолим. – Приём закончен. Завтра с утра в порядке живой очереди.

Наконец Женька уединился с Парикмахером и, поразмыслив, бросил напарнику спасательный круг: «Ладно! Вали на меня. Маме можешь признаться. Она тебя не продаст. А если Шелла спросит, скажи ей, что ради конспирации я попросил разрешения вести переписку на твоё имя. Надеюсь, остальные письма ты дома не хранишь?»

– Нет, они на работе, в столе.

– Идиот, немедленно уничтожь! Так ты понял, что сказать Шелле?

– А Оксана? Как с ней быть?

– Ты ответил ей на письмо?

– Нет, не успел. Я не знаю что. Она же беременная.

– Ничего не пиши. Позвони и объясни, но только туманно, что не можешь долго говорить. Мол, ты не принадлежишь самому себе. Наверху категорически против продолжения вашей дружбы. Вторые браки запрещены. Всё, что произошло, должно остаться в глубокой тайне. Мол, такая у тебя работа. Се ля ви. Так требует Родина-мать. Ты понял?! Родина-мать настоятельно требует...

– Да, – пролепетал незадачливый советский разведчик.

– Вот дурак! – возмущался Женька. – Так вляпаться! На

ровном месте!

– А ребёнок? Что делать с ним? – простонал Парикмахер.

– Чего ты решил, что он твой? Ох уж эта мания величия! С таким же успехом он мог быть и моим! – и чтобы успокоить не в меру разбушевавшегося Парикмахера, Женька признался в давнишнем покорении Оксаны. Изя оказался в лёгком нокдауне. Вторым ударом Женька его добил: «Она приписывает тебе заслугу своего мужа или ещё кого-то, а ты рад стараться, развесил по углам сопли. Ты здесь ни при чём! Запомнил?! Ни при чём!»

* * *

Встреча с мамой, если не считать обещанных фирменных котлет с пюре, бульона и вишнёвого компота, не предвещала ничего хорошего. Он давно уже вырос из коротких штанишек, но по привычке побаивался её гнева, и стоило маме повысить голос, как Изя тушевался и терял под ногами почву. Ничего подобного ни с одной другой женщиной не было. Но спорить с Изиной мамой – хотелось бы видеть ещё одного смельчака, осмелевшего преждевременно открыть рот.

– Рассказывай, что ты уже натворил! – грозно встретила его Елена Ильинична. – Я из-за тебя чуть на тот свет не отправилась!

Изя похолодел. Отсрочки разговора, во время которой он намеревался прощупать почву, выяснить, насколько мама

информирована, и понять, собирается ли Шелла подавать на развод, не последовало.

Сценарий, озвученный Еленой Ильиничной в разговоре с Шеллой, сработал безукоризненно – Изя покаялся. Дрожащим голосом он обещал прервать всякие отношения с девушкой из Измаила и, чтобы мама не сомневалась в искренности его слов, поклялся её здоровьем. Этого было достаточно. Елена Ильинична успокоилась и пошла на кухню накрывать на стол.

Изя поплёлся за ней. Впереди ждало не менее страшное – объяснение с Шеллой. Из маминых слов он знал о её реакции и опасался самого худшего – развода. Бессвязные звуки (иногда они объединялись в слова) свидетельствовали о высшей степени возбуждения.

Он занял привычное место за столом. Запах маминых котлет, как нашатырный спирт, подействовал ободряюще – цвет лица приобрёл прежний оттенок, речь стала связной и временами плавной. Когда очередь дошла до компота, способность логически мыслить восстановилась, и он рассказал легенду, предложенную Левитом. Елена Ильинична скривила губы:

– Шито белыми нитками. В письме она обращается к тебе по имени и просит передать Левиту привет.

– Ну, можно сказать, что это мистификация, – неуверенно пролепетал Изя.

Елена Ильинична не выдержала и засмеялась: «Для дура-

КОВ».

– Мам, что же мне делать? Ты же умная женщина. Подскажи, – заскулил он.

– Ох и заварил ты кашу. Ладно, слушай... Первая реакция – похоже, Шелла готова тебя простить. Что будет завтра, не знаю, всё зависит от тебя. Зачастую в подобной ситуации женщины принимают на веру любую заведомую ложь и рады быть обманутыми ради сохранения семьи. Конечно, лучше бы, чтобы ей это рассказал Левит. Так выглядело бы убедительнее. Ну хорошо, – согласилась Елена Ильинична. – Попробуй сперва сам. Но учти, колечко с бриллиантом убедительнее любых слов.

Елена Ильинична открыла ящик серванта, вытащила из конверта пятьдесят рублей и протянула Изе.

– Это из денег, что я отложила себе на похороны. Остальное добавишь сам. И запомни: я это делаю только ради Региши.

* * *

Если вы знакомы с женой Парикмахера, не мешало бы познакомиться и с женой Левита. Её, вскользь замечу, зовут Наташа. В молодости Женька часто пел ей душераздирающий романс: «Эх, я возьму Наталию да за широку талию, и пойду с Наталией я в страну Италию», – обхватывал жену за сорок четвёртый размер, а то, что происходило дальше, де-

тям до шестнадцати знать не положено.

Пел бы наш поэт другой романс, однажды придуманный им колючим январским утром на трамвайной остановке «Кладбище» в ожидании «десятки»: «На холоде, деревеня, мечтаю с милой о вине я. Была бы у меня гинья, поехал с милой бы в Гвинею», – может, этим Женькины страдания и закончилось бы. Но так как заклинило его с Наталией на стране Италии, то и накаркал он себе на всю оставшуюся жизнь вагон приключений и кучу неприятностей.

Как известно, неприятности висят на потолке и, если их не беспокоить, сами по себе не сваливаются на голову. Голда Меир – если в деле замешана женщина, ничем хорошим оно не заканчивается – после «самолётного дела» забеспокоилась о здоровье советских евреев, выступила по тель-авивскому радио и призвала их сменить северный климат на мягкий средиземноморский.

Перефразируя Иосифа Уткина – но под маленькой крышей, как она ни худа, свой дом, и свои мыши, и своя судьба, – советские евреи повозмущались в газетах, что не нужна нам чужая Аргентина, «нам и здесь хорошо», и принялись упаковывать чемоданы. Одесские же евреи, прошу не путать черноморцев с прочими представителями избранного народа, вспомнив о заслугах Бернардацци перед вечно весёлым городом, к ста восьмидесятилетию Одессы совершили жест доброй воли. Направляясь в Израиль, в Вене они развернули паруса на сто восемьдесят градусов и в ожидании попутного

ветра, позволившего Христофору Колумбу пересечь океан, поселились в предместьях Рима, живо подняв торговлю, ремёсла и цены на арендуемую недвижимость.

Левит ехать никуда не хотел. Его вполне устраивали молодое вино, собственный дом, кульман и женщины разных народов, испытывающие на прочность пружинный диван. Но Наталия, из всех увлечений мужа желая сохранить только кульман, втихаря прививала ему любовь к итальянскому кино.

– Левит, ты видел, что они ели на обед? – возбуждённо заговаривала она, как только супруги выходили из кинотеатра. – А какая там мебель!

Левит тяжело вздыхал, дофантазив вырезанные из кинофильма кадры купания в бассейне обнажённой героини, и грустно подтверждал:

– Да, итальянская кухня чего-то стоит...

– А машина? Левит, ты можешь представить себя в такой машине? Это же сказка, а не машина!

– Да, – грустно соглашался Левит, представляя себя купающимся в ванне вместе с Софи Лорен.

– В этой стране ты можешь купить на свою вонючую зарплату «Жигули»? Даже если будешь халтурить с утра до вечера?

– Да, – завороченно повторял Левит, представляя, как он занимается в машине любовью с Софи Лорен.

– Что «да»? Ты можешь купить машину?! – вспыхнула На-

таша.

– Нет, я не об этом, – очнулся Левит. – Ехать надо.

– Да, я тоже говорю, ехать давно уже надо было.

Зная настойчивость Наташи в достижении поставленной цели, я вполне допускаю, что Голда Меир выступила по радио не по собственной инициативе, приглашая советских евреев вернуться на Землю обетованную. Как Наташа сумела до неё достучаться, покрыто завесой секретности, но Левит дрогнул и даже попытался убедить Парикмахера, медленно дрейфующего между Третьим коммунистическим и Четвёртым социалистическим Интернационалами.

– Ицик, – ласково ворковал он, – я собираюсь в Нью-Йорк. Хочу открыть там маленькое КБ. Советская разведка настойчиво предлагает тебе внедриться в мою фирму. Ты будешь продавать на Лубянке мои чертежи, а я на Уолл-стрите – твои. Чем плохой бизнес?

– Ты охренел?! – отказался шутить Изя. – Ты понимаешь, что губишь себя? Здесь у тебя гарантированное жильё, работа. А там? Кому ты там нужен? Кто тебя ждёт? Своих безработных им девать некуда!

– Не дрейфь, студент. Конструктор – он и в Африке конструктор. Но мне надоело по ночам черпать дерьмо из унитаза и вызывать каждый раз аварийку, потому что, видите ли, какая-то блядь забила стояк и никому до этого нет дела.

– Но это же не повод менять Родину!

– Родину? О какой Родине ты говоришь? О той, что тебя,

конструктора первой категории, имеет, как батрака на уборке помидоров? Вспомни, ты сам мне рассказывал, как соби-
рался устроиться в КБ поршневых колец. Вспомни, вспом-
ни... Тебя взяли на работу?

Перед глазами Изи всплыла жирная харя кадровика, невозмутимо на Изин вопрос: «Требуется ли вам конструкторы?» – ответившего: «Нет», – и не пожелавшего разговари-
вать, несмотря на объявление при входе, призывающее круп-
ными буквами: «Требуется конструкторы всех категорий».

– Антисемитизм здесь был всегда, – согласился Изя. – Мы привыкли. Куда нам деться? А где его нет? Там то же самое. Эренбург писал, что в Америке с евреями обедают, но не ужинают. Потому что обед – это деловая встреча в ресторане, а ужин – приглашение в дом. Другой уровень общения.

– Ах да, там ещё негров линчуют. Индейцев гноят в ре-
зервациях, а японцев вешают на деревьях.

Изя не подался на провокацию и хладнокровно ответил:

– Евреям повезло, что в Америке есть негры и пуэртори-
канцы. Я не осуждаю тебя. Хочешь сытой жизни – езжай, но
Родина моя здесь, и ни за какие коврижки я её не променяю.

Изя соблазнял прелестями социализма Наташу, затем, из-
менив тактику, запел о Дерибасовской, о ностальгии, кото-
рая убьёт их через полгода заморской жизни, и добился сво-
его. Наташа, всплакнув, предложила выпить за то, чтобы они
когда-нибудь смогли приехать к Парикмахерам в гости.

Изя ушёл расстроенный, зная, что назавтра Женька пой-

дет в кадры подписывать овировскую анкету, и Дмитриев, начальник отдела кадров и бывший полковник КГБ, как принято в таких случаях, в обмен на свою подпись предложит Женьке подать заявление об увольнении.

– А что у него с той бабой? – полюбопытствовала Шелла, когда Изя пришёл домой и рассказал о планах Левитов.

– Он порвал с ней, – дрогнувшим голосом пролепетал Изя, побаиваясь, что история грехопадения, по-дружески взятая на себя Женькой, вновь станет предметом особого разбирательства.

– А я-то думала, что он едет с ней. Там же была такая любовь! – съехидничала она, сделав акцент на слове «такая».

Изя промолчал, всякий раз чувствуя себя неловко, когда Шелла заводила разговор об Оксане. Ситуация двусмысленная. Промолчать опасно, возразить нечего, остаётся следовать правилу: если у жены тешется язык, лучше позволить ему выговориться. Хватит того, что мама временами устраивает ему вырванные годы, выволакивает на ковёр и, как великий инквизитор, выпытывает: «Ты действительно расстался со своей проституткой?» – Изя замаялся повторять, что давным-давно забыл девушку из Измаила, и, чтобы мама оставила его в покое, жаловался на тяготы жизни с тёщей под одной крышей, взявшей привычку ходить в туалет, когда он любит свою жену. И что жить он так больше не может. С водой, выключаемой в двенадцать часов ночи, и с тёщей, сующей во всё свой длиннющий нос.

Мама жалела его и советовала потерпеть, приговаривая, что очередь в кооператив подвигается, Абрам Семёнович уже сорок второй по списку. С того злополучного дня, когда в химчистке «выстрелило» письмо, Елена Ильинична не позволяла себе расслабиться – чуяла: сын ступил на минное поле. Она сделала всё, что смогла: позвонила Шелле, попросила быть благоразумной и повторила легенду: по глупости Изя посодействовал Левиту в его амурных делах. Себя успокаивала: «Беспокойтся незачем. Если не зацепила душой, телом его не удержит».

Шелла не очень-то им и поверила, но желание сохранить семью перевесило; она проглотила обиду и лапшу скушала, с иезуитским наслаждением поддерживая у мужа комплекс вины.

– Мне всё-таки интересно знать твоё мнение. Левит же твой друг. Что бы ты сказал, если бы я оказалась на месте той гойки?

«Ты и так на месте Оксаны», – хотелось ответить Изе, но, держась от греха подальше, он принял безразличный вид и уткнулся в телевизор.

– Опять твой футбол! – Шелла не на шутку разозлилась. – Интересно, если бы во время футбола я тебе изменила с Левитом, ты бы это заметил или нет? Ты слышишь? Я к тебе или к стенке говорю?!

– Гол! – радостно завопил Изя и, схватив недоумевающую Регину, закурил её вокруг себя. – Гол! – они повалили Шел-

лу на диван и, с дикой страстью обнимая её: «Го-ол!» – восстановили пошатнувшееся семейное счастье.

Что ни говори, а в футболе есть своя привлекательность...

* * *

В то время как Левит готовился пополнить ряды предателей Родины, справедливо возмущавшейся желанием Женьки с ней распрощаться, его несостоявшийся компаньон, Мишка Винер, пошёл по первому кругу ада.

В конструкторском отделе созвали профсоюзное собрание. С болью в голосе товарищ Дмитриев объяснил молчаливой аудитории, что в тот час, когда Родина-мать предоставила *некоему Винеру право на бесплатное высшее образование, его сверстники, место которых он незаслуженно занимал на студенческой скамье, защищали от китайских агрессоров священные рубежи острова Даманский. На фронте он, полковник Дмитриев, предателей и дезертиров расстреливал на месте. Сейчас не те времена.*

– Мы гуманны, – гремел голос полковника. – И вместо вполне заслуженной пули получи, бывший советский гражданин Винер, наше двухсот пятидесятимиллионное презрение и плевков в спину.

Неблагодарный Винер, с позором уволенный с работы, в ожидании разрешения из ОВИРа ездил с женой на толчок распродавать награбленное у советского народа домаш-

нее имущество и консультировал Левита, выходящего на старт марафонского забега.

Родина-мать грустно глядела им в спину. Но едва в её поле зрения попал Абрам Семёнович, она оценила его давнишние заслуги и предоставила ключи от трёхкомнатной кооперативной квартиры на Первой станции Черноморской дороги. Счастливые Парикмахеры на белом коне въехали в Букингемский дворец, а Слава Львовна купила на Маразлиевскую новый диван:

– Для Региночки, – пояснила она соседям, – на выходные я забираю её к себе.

Ребёнку пошёл шестнадцатый год, и Слава Львовна безапелляционно объявила, что если доживёт до Региночкиной свадьбы, то жить внушка будет только с ней. «Шелла так и не научилась готовить эсекфлейш⁴, – с сожалением думала Слава Львовна. – И не так делает гефилте фиш⁵. Слушать ничего не хочет. На всё у неё своё мнение. А Региночка, дай только ей бог здоровья, такой киндер⁶, что второго такого ещё надо поискать. С ней я буду иметь нахэс⁷. И, дай бог, уеду в Израиль. Этот кусок идиота, – речь шла об Изе, – и слушать ничего не желает, а Шелла, дура, смотрит ему в рот и во всём потакает».

---

⁴ Эсекфлейш (идиш) – жаркое.

⁵ Гефилте фиш (идиш) – фаршированная рыба.

⁶ Киндер (идиш) – ребёнок.

⁷ Нахэс (идиш) – счастье.

С Абрамом она на эту тему не заговаривала, твёрдо зная: он сделает так, как она скажет. Прикажет – положит на стол партбилет, на который молится, как дурень на икону. Но без детей она никуда не поедет. Пусть Региночка подрастёт. Бабушка всерьёз возьмётся за её воспитание.

Втайне от Шеллы, не желавшей, чтобы ребёнку забивали голову дурью, Слава Львовна разучивала с Регишей песню: «По мир зих ибербейтн, ибербейтн, ител дем самовар», – и радовалась, как та быстро схватывала мелодию и слова.

– Абрам, – обращалась она в такие минуты к мужу, – я хочу, чтобы ты знал моё завещание, если я умру раньше тебя. Региночке – обручальное кольцо, кольцо с камнем и цепочку. Все мои рецепты, – она в очередной раз показывала, где лежит тетрадь кулинарных секретов. – И чтобы ты заплатил любые деньги, но похоронил меня на еврейском кладбище рядом с мамой, – мечтательно добавляла она, откладывая исполнение завещания на неопределённое время. – Но я надеюсь дожить до Региночкиной свадьбы, а затем до дня рождения правнука.

– А если я умру раньше тебя? – ехидно спрашивал супруг.

– Не болтай ерунду! Твоё место у Кремлёвской стены уже занято, – не желая поддерживать глупый разговор, сердилась Слава Львовна и уходила на кухню.

Политическое завещание – дело тонкое. В этом мы ещё убедимся не раз.

Умерла Эня Тенинбаум. Телеграмма об этом пришла из Нью-Йорка на адрес Елены Ильиничны, – Ося после отъезда мамы с его младшей сестрой строго-настрого запретил им писать письма на его домашний адрес.

Америка не настолько богата, чтобы на еврейском кладбище Нью-Йорка ставили памятники, аналогичные одесским. Ося убедился в этом, когда Елена Ильинична получила по почте фотографию скромной плиты, лежащей на могиле родной сестры.

Эня Израйлевна Тенинбаум, 1912–1975.

– Бабушка, а почему она Израйлевна, а ты Ильинична? Вы же родные сёстры, – осведомилась Региночка, когда Елена Ильинична показала ей фотографии и письмо.

– Это старая история, но ты уже большая, должна не только всё знать, но и правильно понимать, – внимательно глядя на внуку, произнесла Елена Ильинична. – Зимой пятьдесят третьего меня вызвал директор школы и посоветовал, по его словам, по рекомендации районо поменять отчество. В разгаре было «дело врачей», и, обращаясь к учительнице, ученики не должны уважительно произносить в её отчестве слово «Израиль». Пригласил он меня после родительского собрания по случаю окончания второй четверти, и я подозреваю, что пожаловался некий чересчур бдительный роди-

тель. Наш директор – сверхпорядочный человек, это не его инициатива. Время было такое, многие приспособлялись.

– Поменяй отчество назад. В чём проблема? – всплеснула руками Регина.

– Зачем? Я его не меняла. По паспорту, по всем документам я – Израйлевна. А для школы – Ильинична. Это твой дядя не постыдился сменить и отчество, и фамилию. Твоего папу я назвала в честь моего отца, и по сей день он носит это имя, независимо от того, нравится оно кому-то или нет. Попробовал бы отказаться! И обрезание на восьмой день сделала ему!

– А это что такое? – оживилась Регина. – Расскажи...

– Хотя ты уже взрослая, но кое-что знать тебе ещё рановато.

– Бабушка, расскажи, – потребовала Регина, – а то я не скажу, что получила по алгебре.

– А тогда ты у меня не получишь штрудель⁸! – включившись в игру, весело ответила Елена Ильинична.

– Бессовестная! – завопила Регина. – И ты молчала! Когда ты его сделала?

– Вчера, – с гордостью призналась Елена Ильинична. – Я ведь знала, что ты придёшь.

– И орехов не пожалела?

– Не пожалела, не пожалела. Так что по алгебре? – искusstельным голосом поинтересовалась Елена Ильинична.

---

⁸ Штрудель (идиш) – пирог с изюмом и орехами.

– Пять, как обычно! Давай штрудель.

– Нет, только после еды.

Недолгие препирательства завершились победой юного поколения. Региночка Парикмахер уплетала за обе щеки штрудель, не подозревая, что её дядя, ограничившись лёгким завтраком, третий час бесцельно бродит по еврейскому кладбищу. Хотя только абсолютно несведущему человеку маршрут передвижений Баумова казался хаотичным. Ося искал место. После маминой смерти он всерьёз задумался об увековечении своей памяти. Бессмысленно в ответственном деле полагаться на женщин.

«Они не выберут лучшее место, обязательно поскупятся и быстренько положат в заросшем бурьяном и заброшенном осколками битого щебня дальнем уголке. И на памятнике сэкономят, сколько бы денег я ни оставил. Пожалеют бронзы, пожадничают на мрамор. Нет, о себе надо беспокоиться самому», – грустно размышлял он, не доверяя ни дочери, ни жене.

На Осиных глазах разрушалось и опустошалось Второе еврейское кладбище. И Третье, присмотрелся он, густо перенаселено. Лучшие памятники, ещё недавно в первом ряду гордо встречавшие посетителей вазочками с цветами, сиротливо жались за спинами наглых собратьев, украдкой выглядывая из шестого ряда.

«Нет, – сокрушался Ося, глядя на их страдания, – не уговаривайте, здесь я не лягу. Категорически».

Он мысленно осмотрел город, присматриваясь то к Городскому саду на Дерибасовской, то к Греческой площади, но сердце его застыло на площади перед оперным театром. Место освещаемое и хорошо охраняемое, ни одна сволочь не посмеет отбивать ему в темноте ноги или, извините, прислоняться бочком по малой нужде, а во-вторых, это будет символично: его голос, бархатный голос лирического тенора, созданный для лучших оперных сцен мира... Через сто лет экскурсоводы будут рассказывать: «Было много споров, где поставить памятник Баумову: на Воронцовском молу, Жеваховой горе, Тираспольской площади, но услышав его певческий голос, в Горсовете постановили: только здесь, на майдане перед оперным театром».

Ося удовлетворенно потирал руки, осознавая сложности, ожидающие при утверждении величественного проекта. Площадь находится в ведении архитектурного управления и горсовета, и, если хорошо не подмазать, его план – мыльный пузырь. Он собрался на приём к председателю горсовета, бывшему директору станкостроительного завода, которого в былые годы часто включал в состав соавторов, как вдруг шальная мысль ударила в голову: необходимо делать два абсолютно разных памятника. Один – на случай захоронения в Одессе, в городе, который он осчастливил когда-то своим рождением и где каждый мальчишка гордится им, заслуженным изобретателем Минстанкопрома; второй – мало ли какая катастрофа может случиться, вдруг придётся всё

бросить и сломя голову мчаться в Штаты, прикрывая голову фамилией Тенинбаум. Мысль свербила мозг, с ней Ося просыпался и засыпал, мучаясь головными болями, пока в ночь весеннего равноденствия не вскочил с постели и бешено захохотал: он начинает строить. Там видно будет.

...В глубине кооператива, расположенного на 11-й станции Большого Фонтана, на соседнем с его дачей участке, заблаговременно купленном на имя тестя, в огороженном двойным забором сарае начались секретные строительные работы.

Даже строительство ставки Гитлера под Винницей и Сталина под Куйбышевым не выполнялось с такой степенью секретности: ни тесть, ни тёща, живущие в отдельном домике в трёх шагах, не смели подползать под строго охраняемый забор.

Соседи переглядывались и задавали Мусе каверзные вопросы: «Ваш муж роет тоннель в Турцию? Ося нашёл в наших краях нефтяную скважину?»

Муся в испуге шарахалась, не в силах разгадать тайные помыслы бизнесмена. И только один, очень известный, с мировым именем архитектор знал: Ося строится.

* * *

Женька плакал. Он пил вино, плакал и пел, бескончаемо долго плакал и пел совершенно незнакомые песни; Изя слу-

шал его и тоже плакал, надрываясь от невыносимо жуткой тоски.

Сердце моё заштопано,
В серой пыли виски.
Но я выбираю Свободу.
И – свистите во все свистки!

Брест и Унгены заперты.
Дозоры и там, и тут.
И все меня ждут на Западе,
Но только напрасно ждут!

– Старик, что делать? Что делать? – тупо глядя в стакан,
бормотал Изя, а Женька хрипел чужим голосом страшные
слова:

Я выбираю Свободу,
Я пью с ней нынче на «ты».
Я выбираю свободу
Норильска и Воркуты.

Где вновь огородной тяпкой
Над всходами пашет кнут.
Где пулею или тряпкой
Однажды мне рот заткнут.

Три часа назад Женька позвонил Изе на работу и глухо

сказал:

– Старик, приезжай. Всё кончено. Я в отказе.

– В каком отказе? – переспросил Изя.

– Мать твою! Ты ничего не понял? – затравленно, диким голосом заревел Левит. Изя испугался, услышав в его голосе хрипы. – Мне отказано в выезде. Я – изгой. Рефьюзник, – произнёс он новое для Изя слово. – Приезжай, – повторил он.

До Изя наконец-то дошло, и он быстро произнёс:

– Да, конечно, сразу после работы.

Женька был уже пьян, но всё равно выпил с Изей, не расставаясь с гитарой, которая обычно спокойно висела над его кроватью, и, коротко обрисовав ситуацию, тоскливо запел:

Всю ночь за стеной ворковала гитара,
Сосед-прощелыга крутил юбилей,
А два понятых, словно два санитара,
А два понятых, словно два санитара,
Зевая, томились у черных дверей.

Он пел о щелкунчике, простофиле, ввязавшемся в чужое похмелье, о двух королевах, рядом сидевших, бездарно куривших и коривших себя за небрежный кивок на вокзале, и второпях не сказанное слово.

– Я плевать на них хотел! Мною командовать они не будут! Я сво-бо-ден! Да, да! Сво-бо-ден! – вопил Женька, размахивая указательным пальцем и чуть ли не тыча им Изе

в лицо. — Нас гнали из страны в страну, как убойное стадо, нас убивали Хмельницкий, Пилсудский и ещё две сотни пидорасов, но ни хрена! Мы никогда не были и не будем рабами!

Он плакал, пил, и вместе с ним Изя тоже плакал и пил, и с каждым новым стаканом обиду вытесняла дикая злость. как, по какому праву ОНИ смеют решать, что и как ему делать, где жить и кем работать?!

Наташа приехала к Женьке очень поздно, встревоженная, что его до сих пор нет на Гайдара, и, зная уже об отказе, спокойно произнесла, убирая стаканы и пустую бутылку:

— Успокойтесь, мальчики, ещё не вечер! Пока петух не прокукарекал три раза, рано петь амен. Не мы первые, не мы и последние. Будем пробиваться. Вплоть до ЦК!

У Женьки пропал запал, он повесил гитару и грустно сказал:

— У нас могут отобрать всё. Всё, кроме внутренней независимости. Мы ещё посмотрим, кто упёртее и непреклоннее, — он закурил сигарету и зло выговорил: «Пусть сперва отсосут молоко у пожилого ёжика в Булонском лесу».

— Эти песни ты сам сочинил? — спросил Изя, восхищённо глядя на Левита, за которым ранее не наблюдал подобных талантов. — Когда успел?

— Нет, — улыбнулся Женька дремучести Парикмахера, — это Галич. Стыдно не знать.

— Могу и не знать. Кто он?

— Поэт, драматург, композитор. Что ещё? Диссидент.

– А... – вспомнил Изя статью в газете о грязном поэте, высланном из страны за сочинение антисоветских пасквилей.

– Могу дать стихи его, – Женька вынул из глубины шкафа самодельно переплетённый сборник машинописных текстов и положил перед Изей на стол. – Просветись.

– Нет, спасибо, в следующий раз, – отшатнулся Изя от крамольного сборника. – Мне пора домой. Шелла волнуется, когда я поздно прихожу.

Женька вызвался проводить его до трамвайной остановки; по дороге Изя по-дружески предостерёг его:

– Лучшие бы ты держал дома порножурнальчики. Стихи классно написаны. И о Сталине, и о лагерях. Но нужно ли тебе это? Загремишь ни за что ни про что...

– Не дрейфь, старик. Мир делится на тех, кто безропотно приносит петлю своему палачу, и тех, кто принимает последний бой и бросается с саблей на танки. Я сделал свой выбор, – и, взбудоражив собак, запел на всю улицу во всё горло:

Я выбираю Свободу,
Но не из боя, а в бой.
Я выбираю свободу
Быть просто самим собой.

Изя не рад был, что затеял на улице бесполезный разговор. Оглядываясь по сторонам, с величайшим трудом он пе-

ревёл его на нейтральный трёп о бабах, дождался трамвая и, нетерпеливо вскочив в него, облегчённо прокричал из закрывающихся дверей:

– Пока! Хорошо посидели! – и помахал на прощание рукой.

Домой Изя не добрался. На следующей остановке в трамвай вошла Оля Кириленко, которую он не видел лет пять. Изя настолько обрадовался встрече (как, впрочем, и она, как выяснилось, расставшаяся со Славиком год назад), что, увлёкшись разговором, не сошёл на Первой станции, доехал с ней до Красного Креста, проводил до Среднефонтанской, по её приглашению зашёл попить кофе и, добавив к выпитому вину коньяк, пропал до утра.

Алкоголь в больших количествах заменяет снотворное. Легли в кровать и без «вечерней сказки» уснули. Из-за чего тогда, спрашивается, Шелла на другой день, ни слова не говоря, выставила Изю за дверь, заранее приготовив в коридорчике чемодан с тёплыми вещами, понятия не имею.

После давно пережитой истории с Оксаной Изю хоть и тянуло изредка на подвиги, но только в мечтах, после очередных Женькиных рассказов о его восхитительных победах.

«Человек предполагает, а Бог располагает», – философствовал Изя, топчась перед окнами своего дома после вполне заслуженного скандального выдворения за дверь.

Кто мог предвидеть, что Женька, гуляка и любитель авантур, сперва без охоты уступивший давлению Наташи, вместо того чтобы обрадоваться отказному решению,

вдруг заартачится и в нём разыграется оскорблённое чувство собственного достоинства?

А кто мог предугадать, что произойдёт встреча с Ольгой, которую он давно знал и к которой вчера его потянуло? А если бы Шелла не выгнала его? Хотя он сам спровоцировал её, не позвонив утром с работы. Ведь бы мог отбелиться байкой из широкого репертуара Евгения Левита.

Изя поехал к Оле, но, как ни странно, та приняла его без особых восторгов. В отличие от вчерашнего дня, в доме присутствовала десятилетняя дочь, гостившая накануне у бабушки, и Ольга, растерявшись и выпучив глаза, впустила его в квартиру, предварительно приставив палец к губам: «Молчок».

– Я, в общем-то, ненадолго, – буркнул Изя, с сожалением подумав, что если бы вчера он не перепил, то сто процентов добился бы желанной победы.

Он наклонился, намереваясь поцеловать Ольгу в щёчку, но та строго отвела голову и вновь приставила палец к губам. Изя удивился переменам, произошедшим с Ольгой, так легко вчера принявшей и без особых усилий с его стороны постелившей постель, а сегодня оказавшейся недоступно холодной.

– Ничего не получится, – шепнула она и кивком головы указала на дочь.

– Я ненадолго, – промямлил он, выискивая причину визита, но, не найдя ничего подходящего, чистосердечно при-

знался: – С Шеллой поругался. Ночевать негде.

Ольга деликатно промолчала. Не получив желанной поддержки, Изя добавил: «Вот, еду ночевать к маме». Ольга развела руками: извини, ничем не могу помочь. Изя потоптался в дверях и нехотя попрощался.

Елена Ильинична, не перебивая, выслушала рассказанную сыном историю о Левите и о причинах, побудивших Изю напиться с Женькой до состояния, при котором он не мог самостоятельно ехать домой, а потому вынужден был у него заночевать. Теперь Шелла, приревновав непонятно к кому, выставила его за дверь. Конечно, он и сам виноват, что не позвонил жене с работы, но с похмелья было так тяжело, что, честное слово, пробубнил он, было не до звонков.

– Зачем ты ко мне пришёл? – спросила Елена Ильинична. – В сорок лет мог бы научиться улаживать свои дела. И зачем так пить, чтобы потом нельзя было добраться домой?

– Ладно, это дело прошлое. За все годы я, по-моему, раз в жизни напился и не ночевал дома. Можно и простить.

– Чего же ты от меня хочешь?

– Мам, позвони ей и скажешь, что я ночевал у тебя? Придумай что-нибудь. Сердце схватило. Я знаю, что ещё? И обязательно скажи, что у тебя вчера вечером не работал телефон.

– Ты заставляешь меня лгать! – возмутилась Елена Ильинична.

– Но не каждый же день, – улыбнулся Изя. – Мам, это святая ложь. Сделай, – для убедительности он сложил ладони и вознёс их к потолку, – ну хотя бы ради Регинки.

Укоризненно покачав головой, Елена Ильинична с большой неохотой сняла телефонную трубку.

– Шеллочка, извини, что я тебе вчера не позвонила, у меня был сердечный приступ. Пришлось вызывать скорую, – она недоброжелательно посмотрела на сына и строго покачала головой. – Я боялась оставаться ночью одна и попросила Изю побыть со мной.

– Зачем вам извиняться? Он же мог позвонить и всё объяснить! Или у него руки отсохли?!

– Да, ты права.

– Может, его машина сбила, трактор переехал. Что я должна думать, если муж не приходит домой ночевать?!

– Ты абсолютно права. Я полностью с тобой согласна.

– Чёрт с ним, если нашёл себе бабу. Скатертью дорога. Но если он элементарно попал под трамвай? Мало ли что может случиться! Что, нет телефона?!

– Ты абсолютно права. Он так за меня переживал, что выпустил телефон из виду.

– А на другой день с работы он не мог позвонить? Я все морги обзвонила! А он является, как красное солнышко: «Здравствуйте, я ваша тётя». Я его, конечно, выгнала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.